

юрист
издательская
группа

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
НАУКИ И ПРАКТИКИ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
И ДОКАЗЫВАНИЕ

ВОПРОСЫ РАССМОТРЕНИЯ
СУДЕБНЫХ АКТОВ
ВЫШЕСТОЯЩИМИ СУДАМИ

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ
(БАНКРОТСТВО)

ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ
ПРОИЗВОДСТВО

№ 5/2021

ISSN 1812-383X

9 771812 383773 >

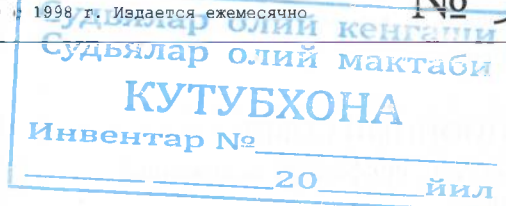
АРБИТРАЖНЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Арбитражный и гражданский процесс

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
ПИ № ФС77-29216 от 23 августа 2007 г. Журнал выходит с 1998 г. Издаётся ежемесячно.

№ 5/2021

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ

3 **Фетисов А.К.** Цифровая дееспособность

8 **Романов А.А.** К вопросу о сближении российского гражданского и арбитражного процесса

12 **Гузий Д.А.** Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, в гражданском процессуальном праве: на пути формирования новой юридической конструкции

17 **Нечаев А.И.** Предмет иска и определение вида судопроизводства по делам об оспаривании ненормативных правовых актов, решений, действий и бездействия публичной администрации

22 **Пахарукова И.А.** Защита ответчика против группового иска в гражданском и арбитражном процессе

27 **Потапенко Е.Г.** Процессуально-правовые последствия несоблюдения обязательного претензионного порядка при обращении в арбитражный суд

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ДОКАЗЫВАНИЕ

31 **Емалтынов А.Р.** Некоторые проблемы оценки электронных

доказательств в системе электронного правосудия

ВОПРОСЫ РАССМОТРЕНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ ВЫШЕСТОЯЩИМИ СУДАМИ

36 **Иванов Е.И.** Пределы производства по обжалованию судебных актов в гражданском процессе

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ (БАНКРОТСТВО)

41 **Шестало С.С.** Элементы добросовестности и ответственности гражданина в деле о несостоятельности (банкротстве) и процессуальный риск кредитора

46 **Ершов О.Г.** О процессуальной защите независимого кредитора в банкротстве аффилированного должника

ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

52 **Кузнецов Е.Н.** Роль информационных технологий в реализации права на исполнение судебных актов в современном исполнительном производстве

57 **Галузина К.А.** Баланс интересов сторон исполнительного производства в законодательстве и в судебной практике

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Ярков В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА,
РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕДАКТОР:**

Долганичев В.В., кандидат юридических
наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Арифалин А.А., профессор, заслуженный
юрист РФ;
Витрянский В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Жилин Г.А., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Исайчев В.И., заслуженный юрист РФ;
Носырева Е.И., доктор юридических наук,
профессор;
Осокина Г.Л., доктор юридических наук,
профессор;
Ренов Э.Н., кандидат юридических наук,
профессор;
Сахнова Т.В., доктор юридических наук,
профессор;
Туманова Л.В., доктор юридических наук,
профессор;
Шерстюк В.М., доктор юридических наук,
профессор;
Юков М.К., доктор юридических наук,
профессор

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ИГ «ЮРИСТ»:**

Гриб В.В., доктор юридических наук,
профессор, чл.-корр. РАО,
заслуженный юрист РФ

**ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
ИГ «ЮРИСТ»:**

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

**НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ
И КОРРЕКТУРА: Швечкова О.А., к.ю.н.****Учредитель:**

Издательская группа «Юрист»

**ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ
ПОДПИСКИ:**

Тел. / факс: (495) 617-18-88
(многоканальный)
E-mail: podpiska@lawinfo.ru
Телефон редакции: (495) 953-91-08

**АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА /
РЕДАКЦИИ:**

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26 / 55, стр. 7.
E-mail для авторов: avtor@lawinfo.ru

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС:

Объединенный каталог. Пресса России —
85473;
Почта России. Электронный каталог — П1715.
Подписка на www.lawinfo.ru

Номер подписан в печать: 07.05.2021.

Номер вышел в свет: 20.05.2021.

ISSN 1812-383X

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 170x252. Печать офсетная.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Общий тираж 4000 экз. Цена свободная.

Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования.

Фетисов

Александр Константинович,

доцент кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
fak002@usla.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-5-3-7

Цифровая дееспособность

В статье рассматривается идея о том, что лицо, обладатель цифровой дееспособности, способно эффективно реализовывать возможности, предоставляемые в цифровой среде при отправлении правосудия цифровыми алгоритмами, в ближайшей перспективе — искусственным интеллектом. Из всего объема возможностей по реализации предоставленных участникам процесса прав автор останавливается на действиях, которые лицо получает возможность совершать в ходе рассмотрения дела в зависимости от того, как реализуется лицом право вступать в правоотношения посредством создания и использования цифрового профиля, а также потенциальном участии представителя, привлекаемого в процесс для гарантированного содействия лицу, участвующему в деле, для реализации процессуальных прав в формах электронных сервисов.

Ключевые слова: электронная дееспособность, цифровой профиль, эффективный участник судопроизводства.

Несмотря на то что нормативного определения понятия «цифровой профиль» в настоящий момент в законодательстве не дано, не только авторы в публицистике, но и легальный контекст правовых актов используют термин «цифровой профиль»¹. Автор попытается определить соотношение термина «цифровой профиль» — гражданина / физического лица / юридического лица — и понятия «цифровая дееспособность». В статье рассматриваются проявления института дееспособности (статья 37 ГПК РФ, статья 43 АПК РФ, статья 5 КАС РФ) при использовании цифровых сервисов в процессе отправления правосудия и предлагается обозначить формирующиеся новые формы выражения дееспособности в цифровой среде понятием «цифровая дееспособность».

¹ См., напр.: Жарова А.К. Вопросы обеспечения безопасности цифрового профиля человека // Юрист. 2020. № 3. С. 55–61; подпункт «а» пункта 3 Положения о проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах (утв. Постановлением Правительства от 3 июня 2019 г. № 710), в котором связывается «...повышение качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах с разработкой инфраструктуры цифрового профиля, предусматривающей ...ряд... функциональных возможностей...».

Развитие электронных сервисов в современном деловом обороте является общеизвестным фактом, признаваемым на уровне как законодательства, так и судебной практики². В ряде интересных работ авторы рассматривают изменения в системе документооборота, способах подачи судебных документов, представления доказательств, проблемах целостного изменения судебной системы при использовании цифровых сервисов³. Интересно обобщает проблемы В.В. Котлярова, отражая глобальные изменения

² Достаточно сравнить последние изменения, внесенные в процессуальные кодексы в нормы об электронных документах, в частности, см.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 57 от 26 декабря 2017 г. «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // СПС «КонсультантПлюс»; и иные.

³ См., напр.: Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов, В.В. Бакуменко, А.Д. Волынец [и др.]; под ред. А.В. Незнамова. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 232 с.; Поляков С.Б., Гилев И.А. Информационные технологии в судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 15–19; Незнамов А.В. К вопросу о применении технологий искусственного интеллекта в правосудии: терминологический аспект // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 10. С. 14–18.

в рамках отправления правосудия, ею поддерживается применение понятия «киберправосудие» как «комплексная модель системы правосудия», все элементы которой сосредоточены «на единой цифровой платформе, обеспечивающей полный цикл отправления правосудия...»⁴. В юридической литературе также ставится проблема переосмысления понятия процессуальной дееспособности с позиции динамической концепции гражданского процесса⁵. В обычном понимании процессуального законодательства дееспособность — это возможность реализовывать своими действиями принадлежащие права, те права, которые закреплены и содержатся в процессуальных кодексах. Как следует из названия статьи, из всего объема действий по реализации закрепленных прав остановимся на формах реализации прав в цифровой среде электронных сервисов — на «облачных» IT-платформах. По мнению автора, не принципиальны как место появления, так и цель создания лицом цифрового профиля — он может быть создан в целях как подачи процессуального документа, так и достижения любого иного результата, определяемого законом⁶, и не только

в сфере процессуальных правоотношений, когда гражданская процессуальная правоспособность реализуется путем совершения лицами, участвующими в деле, процессуальных действий. Лицо само определяет момент появления своей цифровой дееспособности — таковым является момент возникновения у лица цифрового профиля. В какой-то мере создание лицом цифрового профиля можно сравнить с эмансипацией, с той лишь разницей, что эмансипация проходит посредством суда и осознание лицом своей полной дееспособности судом же и удостоверяется. Категории правоспособности и дееспособности в материальном и процессуальном праве всегда рассматривались в тесной взаимосвязи для обеспечения всем заинтересованным лицам доступности судебной защиты⁷. Отсутствие у лица цифровых навыков, и шире — отсутствие цифрового профиля, не позволяет такому лицу эффективно реализовывать способность своими действиями осуществлять принадлежащие процессуальные права. Отсюда следуют два вывода:

во-первых, если нет цифрового профиля — нет и электронного правосудия для такого субъекта, «киберправосудия», по терминологии В.В. Котляровой;

во-вторых, можно поставить вопрос об «ограниченной цифровой дееспособности», которая, в принципе, не должна влиять на объем гарантий реализации права на судебную защиту.

Устранить невозможность в полном объеме реализовывать процессуальные права в электронной среде и совершать необходимые действия для лица, не имеющего цифрового профиля, оказывать помощь и быть представителями лиц без цифрового профиля могут как мегарегуляторы⁸, так и коммерческие организации, сфера интересов которых предполагает возможность наличия у их контрагентов / заказчиков / потребителей

⁴ Котлярова В.В. К вопросу о цифровизации процесса отправления правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 12. С. 46–49.

⁵ Елисеев Н.Г. Конструктивная критика Концепции единого Гражданского процессуального кодекса на основе динамической теории права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 8. С. 76–86.

⁶ См., напр.: Федеральный закон № 262-ФЗ от 22 декабря 2008 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». Однако, хотя закон не распространяется на порядок осуществления конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства, судопроизводства в арбитражном суде, все же запрос-обращение, в том числе в виде электронного документа, с возможностью его подписания электронной подписью, в суды можно рассматривать как одно из действий, совершаемых в целях защиты лицом своих интересов. И, конечно, отсутствие умений и способности действовать, понимать возможность совершения действий в электронной среде, их значения и последствия, в целях защиты своих интересов не обеспечивает достижения целей правосудия: справедливого разрешения правового спора посредством надлежащей реализации диспозитивных и состязательных начал гражданского судопроизводства.

⁷ Гражданский процесс : учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, В.П. Воложинин [и др.] ; под ред. В.В. Яркова. М. : Статут, 2017. 720 с.

⁸ О мегарегуляторах подробнее см.: Фетисов А.К. Компетенция государственной юрисдикции как акт активной легитимации // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 10. С. 59–64.

цифрового профиля и использование его возможностей для участия в сфере не только экономических, но и правовых отношений. Подобные «цифровые» представители, обладающие значительными цифровыми возможностями, могут эффективно адвокатировать интересы своих пользователей, клиентов. Сервисы юридической помощи, включающие круглосуточные «экстренные» юридические консультации, разговор с государственными органами от имени клиента, к примеру, по вопросам предварительного расчета социальных льгот⁹, только один из примеров. В приводимом примере, пользователь / клиент, заключая договор, использует как простую электронную подпись пароль (код подтверждения), используемый им для входа в личный кабинет¹⁰. Эта совокупность данных, являясь ключом простой электронной подписи, представляется для использования лично на идентификационном носителе или на контактный номер мобильного телефона посредством СМС-сообщения. Контактный номер мобильного телефона представляется клиентом при непосредственном заключении договора. Пароль, который является кодом подтверждения для использования личного кабинета, известен только клиенту и представляет определенную последовательность (комбинацию) символов, позволяющих организации однозначно идентифицировать клиента при получении электронного сообщения, в том числе в виде электронных документов / файлов.

Еще одним решением ситуации недостаточной компьютерной грамотности, или шире в терминологии настоящей статьи — отсутствия цифрового профиля

лица, предлагается зарубежная практика использования бланков судебных документов «...на опыте Англии. Здесь практически для любого процессуального действия разработан особый бланк, который может сопровождаться детальной инструкцией по его заполнению»¹¹.

Как указывалось ранее, текущее состояние законодательства и судебной практики предлагает заинтересованным лицам возможности для реализации своих прав при отправлении правосудия в цифровой среде. Если заинтересованные лица реализуют свои возможности посредством задействования облачных технологий, на IT-платформах, то логично будет поставить вопрос: почему такой возможности лишены все участники судопроизводства? Если, к примеру, истец и ответчик обладают цифровым профилем и задействуют его, реализуя свои потребности в скорости и эффективности при обращении к правосудию, то, наверное, им следует быть готовым к тому, что суд по их делу будет скорым и правым. В цифровую эпоху скорый суд — мгновенный суд, а правый суд — объективные и беспристрастные алгоритмы вынесения решения, опирающиеся за весь, буквально весь массив судебной практики. Читатель, вероятно, уже понимает, что автор предполагает эффективно действующую схему, в которой ответ на обращение цифрового профиля лица организуется цифровым профилем суда. Здесь важно заметить, что именно наличие у лица цифровой дееспособности «включает» и задействует подобные же алгоритмы правосудия.

Материальные правоотношения, экономическая целесообразность позволяют привести множество примеров, когда переход в цифровую среду коммерческими организациями и переход к оказанию государственных (муниципальных) услуг, иных услуг (сервисов), предоставлению сведений в электронном виде происходит именно с учетом эффективности и целесообразности, без какого-либо согласия потребителя или гражданина. Последний пример (не малозначимый, учитывая повседневные потребности и привычки) — общеизвестный факт —

⁹ Юридическая помощь, информационная и справочная поддержка, оказываемая в письменной форме. Оферта — Условия оказания Услуги «Ростелеком Юрист» (<https://law.rg.ru/>). Общество с ограниченной ответственностью «Национальная Юридическая Служба». Составление плана действия для Клиента осуществляется на основании данных, предоставленных Клиентом при обращении в Компанию по телефону. Информация предоставляется Клиенту в форме устной консультации в течение 48 часов с момента предоставления Клиентом необходимой информации.

¹⁰ В соответствии с Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

¹¹ Елисеев Н.Г. Указ соч.

переход на цифровое телевидение. Развитие сервисов электронного правосудия, расширение использования информационно-телекоммуникационных технологий для правосудия вполне в рамках обозначенной парадигмы. В этой связи справедливо полагать, что поскольку лицо проявило инициативу и создало цифровой профиль, то оно должно быть готово и к отношениям в цифровой форме. Возражения о том, что использование программ искусственного интеллекта непосредственно в процессе отправления правосудия, замена судьи компьютерной программой или нейросетью неэтичны, невозможны и прочее, постепенно, с развитием уровня технологий и «...при достижении системами ИИ достаточного технического уровня вопрос придания им надлежащей правовой формы (с решением проблемы правового делегирования, ответственности, сертификации и прочих правовых вопросов, описанных в правовой литературе) окажутся, весьма вероятно, вторичными после вопроса об этико-правовой целесообразности таких нововведений. Но и в случае, если решение о таком делегировании будет принято, его условия и порядок будут еще долго оставаться предметом ожесточенных научных дискуссий»¹².

Содержание цифровой дееспособности и возможности у лица, имеющего цифровой профиль, действовать в электронной среде правосудия, очевидно, тесным образом связаны с тем, как будет определено и станет функционировать само электронное правосудие. Вот поэтому «киберправосудие» и «цифровой профиль» тесно взаимосвязаны. Действующие положения законодательства о фиксации административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи¹³, формируют у достаточно

широкого круга лиц привычки, навыки задействования возможностей элементов электронной среды при формировании правоотношения и дают первые, самые приближенные представления о правилах отправления правосудия в электронной среде.

Некоторые примеры создания лицом цифрового профиля приведены выше. Вполне реализуема и возможна на сегодняшний день идея об эксперименте по использованию алгоритмов ИТ-платформ (без непосредственного участия судьи) при отправлении правосудия. Следует лишь сообразно дополнить имеющуюся уже нормативную основу: в материальном праве начиная с Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹⁴, и далее в зависимости от тех правоотношений, защита которых может быть достигнута средствами электронного правосудия; процессуальное законодательство, содержащее положения, позволяющие исключению из общего порядка разрешения дел (заочное решение, судебный приказ и прочие), уже на текущий момент сформировало у участников судопроизводства понимание действия механизма отправления правосудия при отсутствии личного, непосредственного и очного контакта, и определило навыки, необходимые участникам процесса для того, чтобы быть его «эффективными участниками». Таким образом, сама юридическая техника оформления решения использовать судью — искусственный интеллект не должна вызвать трудностей. После раскрытия в правовых нормах и определениях такого признака или стороны дееспособности, как «цифровая дееспособность», при подаче в суд электронных документов лицом, имеющее цифровой профиль и обладающее цифровой, электронной дееспособностью, сможет опосредовать требования через искусственный интеллект — судью, а в случае если и противоположная сторона также обладает электронной дееспособностью, то правосудие буквально будет мгновенно эффективным.

¹² Незнамов А. В. К вопросу о применении технологий искусственного интеллекта в правосудии: терминологический аспект // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 10. С. 14–18.

¹³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (статьи 2.6.1, 2.6.2, 12.9, 12.15 и иные).

¹⁴ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Заключение

Цифровой профиль как элемент цифровой дееспособности лица в настоящий момент может показаться утопией, ну, или, во всяком случае, делом не близкого будущего. Однако припомним: как давно можно было представить беспилотный автомобиль или лет пятнадцать назад насколько возможность подать исковое заявление в суд в электронном виде выглядела реальной? Современные возможности вступления в правоотношения с использованием возможностей IT-платформ, получение документов посредством обращения к облачным сервисам и IT-платформам — ЕГАИС¹⁵ — формируют вектор развития отношений. Принципы упрощенных подходов, уже реализованных в вопросах отправления правосудия (отмены состоявшихся судебных актов — приказ-

ное и упрощенные производства), подтверждают востребованность переноса взаимоотношений участников процесса в электронную среду. Разработки в сфере сбора и обработки правовой информации, консультирования, задействующие электронные алгоритмы, уже сегодня позволяют если не оптимизировать (как выражаются работодатели) штатных юрисконсультов, то во многом делают организацию правовой работы на предприятиях более отвечающей современному менталитету личности, встроенной в цифровую среду и непрестанно использующую возможности IT-технологий и облачных сервисов.

Конечно, развитие безгранично *non est terminus ad perfectionem* и нет предела совершенству. Однако надеемся, что рассмотрение, ну, или, во всяком случае, постановка вопроса об электронной дееспособности лица (личности / гражданина / организации), может стать завершением этапа развития электронного правосудия.

¹⁵ Единые государственные автоматизированные информационные системы (в сферах: налоги, лес, алкоголь и т.д.).

Литература

1. Гражданский процесс : учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, В.П. Воложанин [и др.] ; под редакцией В.В. Яркова. Москва : Статут, 2017. 720 с.
2. Елисеев Н.Г. Конструктивная критика Концепции единого Гражданского процессуального кодекса на основе динамической теории права / Н.Г. Елисеев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 8. С. 76–86.
3. Жарова А.К. Вопросы обеспечения безопасности цифрового профиля человека / А.К. Жарова // Юрист. 2020. № 3. С. 55–61.
4. Котлярова В.В. К вопросу о цифровизации процесса отправления правосудия / В.В. Котлярова // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 12. С. 46–49.
5. Незнамов А.В. К вопросу о применении технологий искусственного интеллекта в правосудии: терминологический аспект / А.В. Незнамов // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 10. С. 14–18.
6. Поляков С.Б. Информационные технологии в судопроизводстве / С.Б. Поляков, И.А. Гилев // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 15–19.
7. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов, В.В. Бакуменко, А.Д. Волынец [и др.] ; под редакцией А.В. Незнамова. Москва : Инфотропик Медиа, 2018. 232 с.
8. Фетисов А.К. Компетенция государственной юрисдикции как акт активной легитимации / А.К. Фетисов // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 10. С. 59–64.

Романов**Андрей Александрович,**

ассистент кафедры гражданского
права и процесса Юридической школы
Дальневосточного федерального
университета,
Управляющий партнер
Консультационной группы «Верно»
andrey.romanov@vernogroup.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-5-8-11

К вопросу о сближении российского гражданского и арбитражного процесса

Статья посвящена актуальным вопросам реформирования российского гражданского и арбитражного процесса, выявлению их общих черт, изучению концепции Единого Гражданского процессуального кодекса и определению необходимости внесения соответствующих изменений в отечественное процессуальное законодательство.

Ключевые слова: право, арбитражный процесс, гражданский процесс, реформа, поправки, сближение, единый процессуальный кодекс.

Реформирование российского гражданского процесса в течение последнего десятилетия продолжалось волнообразно. Параллельное существование в России гражданского процесса и процесса арбитражного порождало полемику и дискуссии о месте и природе последнего вплоть до появления концепции Единого Гражданского процессуального кодекса.

Вместе с тем внесенные за последнее время изменения в российское процессуальное (и не только) законодательство лишь сохранили актуальность данной темы.

Примечательно, что на протяжении долгого времени сторонники идеи существования арбитражного процесса исключительно как части гражданского апеллировали к положениям ст. 118 Конституции Российской Федерации, в которой отсутствовало упоминание о такой форме судопроизводства, как арбитражная. Однако указание на то, что судебная власть в России осуществляется в том числе и посредством арбитражного судопроизводства, было включено в указанную норму Основного закона в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ¹.

Процессуальная реформа 2018–2019 годов сблизила гражданский и арбитражный процесс. Отдельные нормы или институты были приведены к единообразному

регулированию, произошло взаимное проникновение удачных правовых решений из процесса арбитражного в гражданский и наоборот.

Так, например, в арбитражном процессе появились нормы о приказном производстве; гражданский процесс, в свою очередь, пополнился институтом упрощенного производства, а также получил сплошную первую кассацию в номерных кассационных судах общей юрисдикции по принципу первой кассации в арбитражных судах округов. Институт обязательного досудебного порядка по отдельным категориям дел, апробированный в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — АПК РФ), был также включен в положения ст. 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ)².

Общими для обоих процессуальных кодексов стали также обновленные нормы института примирительных процедур и мирового соглашения — теперь данные предписания сгруппированы в отдельных главах (глава 14.1 ГПК РФ и глава 15 АПК РФ), что облегчает их правоприменение ввиду более детальной регламентации правил, появившихся отчасти и благодаря судебной практике.

Вместе с тем достаточно полемичным остается вопрос регулирования института отвода судей. Изначально существовавший в арбитражном процессе механизм, при котором заявление об отводе судьи подлежало

¹ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 02.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

рассмотрению председателем арбитражного суда, его заместителем или же председателем судебного состава (по первой инстанции), был реформирован по типу аналогичного института в гражданском процессе, в котором заявленный судье в суде первой инстанции отвод рассматривается тем же судьей, которому он и заявлен.

Сторонники таковых изменений (в основном из судейского корпуса) отмечают, что включение в арбитражный процесс норм института отвода по образцу гражданского судопроизводства привело к ускорению рассмотрения арбитражных дел, что способствует большей эффективности арбитражного правосудия.

Противники данной идеи ссылаются на фактическую невозможность обеспечения беспристрастности и независимости суда в случае рассмотрения заявления об отводе тем же судьей, которому он и заявлен.

На наш взгляд, более удачной следовало бы признать конструкцию, ранее существовавшую в арбитражном процессе, когда заявление об отводе судьи рассматривало иное лицо данного суда. Принимая во внимание чувствительность российского общества к проблеме неподкупности, непредвзятости и беспристрастности судейского корпуса в отечественном государстве, стоило бы усилить начала объективности рассмотрения заявлений об отводах, сохранив ранее существовавшее регулирование в арбитражном процессе или даже распространить его и на гражданское судопроизводство.

Немало споров существует и в отношении одной из немногих сохранившихся доказательственных фикций, содержащейся в ч. 3 ст. 79 ГПК РФ, аналог которой отсутствует в АПК РФ. Думается, что арбитражный процесс также заслуживает включения подобного регулирования ситуаций, разрешающего вопрос, когда сторона по делу уклоняется от участия в экспертизе. Безусловно, арбитражной судебной практикой данная проблема решена путем использования широкого усмотрения арбитражного суда и квалификации соответствующего поведения уклоняющейся от экспертизы стороны. При этом закрепленное в процессуальном кодексе нормативное регулирование более предпочтительно, нежели чем сформированное судебной практикой правило в целях обеспечения единообразного правоприменения.

Вопрос о фальсификации доказательств также представляет собой один из централь-

ных в российской юридической практике. При этом гражданский и арбитражный процесс неодинаково подходят к регламентации упомянутого института.

Статья 186 ГПК РФ содержит норму, регулиющую заявление о подложности доказательств, в соответствии с которой в случае заявления о том, что имеющееся в деле доказательство является подложным, суд может для проверки этого заявления назначить экспертизу или предложить сторонам представить иные доказательства³.

Арбитражный процесс в ст. 161 АПК РФ содержит более детальную, но не менее полемичную конструкцию в отношении мнения лица о подложности (фальсификации) доказательства.

Обсуждаемое правило имеет ступенчатое содержание.

На первом этапе, при обращении к арбитражному суду с заявлением о фальсификации доказательств, арбитражный суд разъясняет уголовно-правовые последствия такого заявления, и далее, в случае получения от стороны, представившей в дело подобное доказательство, соответствующего согласия, исключает оспариваемое доказательство из числа доказательств по делу.

Если же представившее оспариваемое доказательство лицо откажется исключить его из состава доказательств, вторым этапом арбитражный суд проверяет обоснованность заявления о фальсификации доказательства, если лицо, представившее это доказательство, заявило возражения относительно его исключения из числа доказательств по делу. При этом такая проверка может включать в себя назначение экспертизы, истребование иных доказательств, а также принятие иных мер⁴.

Данная конструкция подвергается критике ввиду следующих обстоятельств.

Первый этап позволяет стороне, представившей сфальсифицированное доказательство, исключить его из доказательств по делу без претерпевания для себя каких-либо негативных (в том числе уголовных) последствий. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит предписаний, подвергающих сторону,

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 02.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

давшую согласие на исключение представленных ею ранее доказательств, подозреваемых в фальсификации, какой-либо ответственности. Рассматриваемые обстоятельства вступают в явное противоречие с принципами добросовестной реализации сторонами своих процессуальных прав, законности поведения лиц, участвующих в деле, недопущения противозаконного поведения в судебном процессе.

Второй проблемой является так называемый «процесс принятия решений», установленный этой нормой (ст. 161 АПК РФ).

Исчерпывающее исследование по озвученным обстоятельствам привел М.З. Шварц в статье «К вопросу о фальсификации доказательств в арбитражном процессе»⁵ со ссылкой на мнение известнейшего русского дореволюционного ученого-процессуалиста Е.В. Васковского, указывающего, что то доказательство, которое представлено в суд одной стороной, становится общим для обеих и не может быть взято обратно без согласия его оппонента⁶.

Действительно, если ставится вопрос об исключении доказательств по правилам ст. 161 АПК РФ из числа собранных по делу, то здесь мы сталкиваемся уже с так называемыми «общими для сторон» доказательствами, то есть уже представленными и имеющимися в материалах арбитражного дела, на которые вправе ссылаться все лица, участвующие в споре. При таких обстоятельствах юридически странно выглядит конструкция нормы ст. 161 АПК РФ, требующая испрашивания согласия на исключение доказательства лишь того лица, которое его представило.

В свою же очередь, регламентация вопроса о подложности доказательств, предусмотренная в ст. 186 ГПК РФ, не отличается детальностью и конкретикой.

Определенные различия российские процессуальные кодексы содержат и по вопросу обжалования определений суда первой инстанции, хотя с помощью Верховного Суда Российской Федерации в гражданском процессе данный вопрос был отрегулирован, пускай и в достаточно спорном ключе.

В соответствии с п. 4 ст. 272 АПК РФ арбитражный суд апелляционной инстанции

обладает полномочиями по отмене определения арбитражного суда первой инстанции и направлению вопроса на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции⁷.

Гражданский процесс в ст. 334 ГПК РФ по общему правилу не позволяет суду общей юрисдикции апелляционной инстанции возвращать дело в суд первой инстанции, хотя бы практические ситуации и требовали подобного полномочия⁸. Вместе с тем Верховным Судом Российской Федерации допускается возможность отмены определения суда первой инстанции и возврата дела в нижестоящий суд, в первую инстанцию⁹.

Ключевым сохраняющимся различием гражданского и арбитражного процесса является вопрос о допуске представителя в суд первой инстанции к участию в процессе (договорное представительство) и о квалификации объяснений сторон / их представителей как доказательств.

По итогам проведенной процессуальной реформы введен так называемый «профессиональный» ценз в гражданском и арбитражном процессе. Теперь представитель, действующий в рамках договорного представительства, должен подтвердить суду наличие у него высшего юридического образования или же ученой степени по юридической специальности. Однако, несмотря на то что данное требование применяется в арбитражных судах начиная с первой инстанции, в судах же общей юрисдикции такое правило не работает в судах первой инстанции (у мировых судей, в районных и городских судах), а используется на уровне судов субъекта и выше в силу соответствующего указания процессуального закона.

Как предусмотрено положениями ст. 55 ГПК РФ, доказательствами по делу среди прочих являются объяснения сторон и третьих лиц. Исходя из буквального толкования данной нормы, доказательственная сила за объяснениями представителей гражданским процессуальным законом не признается.

⁷ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 02.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См., напр.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Шварц М.З. К вопросу о фальсификации доказательств в арбитражном процессе // Арбитражные споры. 2010. № 3. С. 80.

⁶ Васковский Е.В. Учебник гражданского процесса / под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Издательство «Зерцало», 2003. С. 246.

В противовес изложенному выше арбитражный процесс в ст. 54 и 64 АПК РФ допускает возможность признания доказательств объяснений и представителей.

В данном случае думается, что подобное различие (в отношении как применения образовательного ценза к представителю, так и квалификации объяснений представителя как доказательства) в первую очередь обусловлено существом и направленностью гражданского и арбитражного процесса.

Процесс гражданский еще с советских времен был ориентирован на установление процедур для разрешения частноправовых споров между гражданами (физическими лицами), где для рассмотрения дела крайне важен личностный аспект тяжущихся сторон и личные доказательства. Вероятно, поэтому законодатель в гражданском процессе признает доказательственную силу за объяснениями сторон и третьих лиц, исключая таковую за объяснениями представителей, так как последние могут непреднамеренно или же специально неправильно интерпретировать и подать суду информацию, полученную от доверителей. Арбитражный же процесс имеет основное дело с юридическими лицами — организациями, которые, как юридическая фикция, изначально не имеют возможности выступать в гражданском обороте лично, самостоятельно, ибо не имеют материального (физического) выражения существования в объективной реальности, потому они способны действовать исключительно через представителя, будь то единоличный исполнительный орган или же представитель по доверенности. Указанное не объясняет вытекающее из изложенного отклонение от принципов равенства и равноправия в отношении сторон — юридических лиц (организаций) в гражданском процессе, но позволяет судить о направленности гражданского и арбитражного процессов с точки зрения необходимости их соединения в единый цивилистический процесс или же о продолжении параллельного сосуществования.

На наш взгляд, безусловно, необходимо дальнейшее развитие и реформирование цивилистического процесса в Российской Федерации в ключе использования эмпирического опыта удачного правоприменения тех или иных конструкций и механизмов, проверенных годами и опытом в гражданском или арбитражном процессе. При этом полагаем, что стремление к объединению процессов в единый не должно быть воспринято как абсолютная цель: параллельное наличие и действие гражданского и арбитражного процесса устоялось в обществе, положительно воспринято деловой практикой, сформировалось в стройные отрасли права на протяжении десятилетий существования отечественного государства. В свою очередь, бездумное оглядывание на европейский опыт регулирования гражданского (хозяйственного) процесса не должно, на наш взгляд, влечь слепого копирования как самого процесса, так и его отдельных институтов. Российская Федерация вполне может идти своим индивидуальным и оригинальным путем, развивая собственное законодательство без сплошного заимствования правовых категорий или механизмов семей континентального или же общего права. Не сомневаемся в том, что отдельные правовые идеи или же конструкции, успешно используемые в законодательстве иностранных государств, могут служить отличным примером или ориентиром для совершенствования собственного нормотворчества. Однако потенциально возможное имплементирование зарубежного права и его тенденций всегда должно восприниматься сквозь призму российской правовой доктрины, особенностей менталитета российского общества, собственных воззрений на право и государство. В таких обстоятельствах, на наш взгляд, преждевременно судить о необходимости объединения российского гражданского и арбитражного процесса в единый цивилистический процесс, низвергая устоявшийся гражданский оборот и судебную практику в русло очередных и неоднократных законодательных потрясений.

Литература

1. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский ; под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. Москва : Зерцало, 2003. 441 с.
2. Шварц М.З. К вопросу о фальсификации доказательств в арбитражном процессе / М.З. Шварц // Арбитражные споры. 2010. № 3 (51). С. 79–92.

Гузий

Дмитрий Александрович,

аспирант кафедры гражданского

и административного судопроизводства

*Московского государственного

юридического университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

dimanguziy@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-5-12-16

Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, в гражданском процессуальном праве: на пути формирования новой юридической конструкции

В статье под новым углом зрения анализируется юридическая конструкция третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, в гражданском процессуальном праве. Автором красной нитью проводится мысль о том, что материально-правовая связь таких субъектов не всегда имеет место лишь с одной из сторон. Выявляется и обосновывается ее возможное наличие с обеими сторонами одновременно, с другим третьим лицом, не заявляющим самостоятельных требований относительно предмета спора. Ставится под сомнение господствующее теоретическое представление и обосновывается, что в ряде случаев решение суда может повлиять на права и обязанности третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, отнюдь не только по отношению к одной из сторон. Выявляется разноплановость его возможного материально-правового воздействия. Разграничивая спор о праве и спорное материальное правоотношение, автор пришел к выводу, что третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, могут быть субъектами последнего. Такое проявление должно быть учтено в качестве конститутивного признака рассматриваемой правовой конструкции.

Ключевые слова: третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, принцип диспозитивности, процессуальное соучастие, солидарные обязательства, поручительство, правовая связь, предмет судебного рассмотрения, спор о праве, спорное материальное правоотношение, судебное решение.

Усложнение материально-правовых связей (в том числе в плане их субъектного состава) неизбежно накладывает отпечаток и на сферу процессуального права — его категории, конструкции, институты и т.д., поскольку, как верно отмечается в доктрине, дуализм и взаимодействие материального и процессуального права является состоянием правовой действительности¹. Одним из наглядных примеров в этой связи является конструкция третьих лиц, не заявляющих са-

мостоятельных требований относительно предмета спора (далее — третьи лица), в гражданском процессуальном праве. Изложенное обуславливает потребность осмысления ее текущего состояния и определения перспектив развития. Еще одной важной детерминантой необходимости научной проработки правовой конструкции третьих лиц является анализ под новым «процессуальным» углом зрения давно известных, но все более распространяющихся и усложняющихся материальных правоотношений, представления о которых трансформируются в настоящее время.

В силу ограниченности объема настоящего исследования рассмотрим лишь некоторые примеры подобных материальных правоотношений, пом-

¹ См.: Уксусова Е.Е. Обращение в суд как определяющий процессуальный акт для осуществления правосудия и защиты прав по гражданским делам (начало) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 15 (12). С. 92. URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.121.12.090-108>

ня, что субъектный состав таковых, по обоснованному утверждению М.С. Шакарян, имеет непосредственное значение при определении третьих лиц². Думается, очень наглядно правовую конструкцию третьих лиц можно рассмотреть на примере поручительства — одного из способов обеспечения исполнения обязательств, представляющих собой, по меткому высказыванию Д.И. Мейера, «искусственные приемы, для доставления обязательственному праву той твердости, которой недостает ему по существу»³.

Из пункта 1 ст. 363 ГК РФ следует, что при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного поручительством обязательства поручитель и должник отвечают перед кредитором солидарно (по общему правилу). Толкование приведенной нормы в совокупности с правилами п. 1 и 2 ст. 323 ГК РФ, а также с учетом принципа диспозитивности, являющегося краеугольным камнем и стержневым началом всего цивилистического процесса, позволяет заключить, что кредитор может предъявить иск одновременно к должнику и поручителю либо только к поручителю, или только к должнику. В первом случае должник и поручитель будут являться соответчиками. Если же требование заявлено только к должнику или только к поручителю, то суд *должен привлечь* к участию в деле в качестве *третьего лица* соответственно должника или поручителя. При этом не привлеченный к участию в деле должник или поручитель *может вступить* в процесс как третье лицо. Такое понимание процессуального положения субъектов материальных правоотношений между кредитором, должником и поручителем в общем правильно отражено и в п. 49 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2020 г. № 45 (далее — ПП ВС № 45)⁴.

² См.: Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального правоотношения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972. С. 7.

³ Мейер Д.И. Русское гражданское право. В 2 ч. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 2-е, испр. М. : Статут, 2000. С. 523.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о

Подчеркнем, что важнейшей процессуальной детерминантой подобного решения вопроса является принцип диспозитивности, согласно которому истец самостоятельно выбирает того, кто должен отвечать по иску. При этом, к сожалению, в судебной практике встречается и другой, на наш взгляд, в корне неверный подход, согласно которому предписывается участие должника в качестве *соответчика*, в том числе в случае предъявления кредитором иска о взыскании долга только к одному из субъектов солидарной ответственности (например, поручителю)⁵. При такой трактовке, как справедливо отмечает в своем исследовании Н.В. Тололаева, *утрачивается* важнейшее преимущество (*процессуальное*) солидарных обязательств — облегчение ведения процесса (уменьшение количества процессуальных противников)⁶. Стирается, таким образом, важнейшее практическое значение солидарного обязательства,

поручительстве» // Российская газета. 2021. 15 января.

⁵ См., напр.: п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 1 июля 1996 г. (ред. от 25.12.2018) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании: Российская газета. 1996. 13 августа ; п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании». В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в издании: Российская газета. 2012. 6 июня ; п. 1.2 Обзора судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации (22.05.2013) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 9 ; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 сентября 2018 г. № 18АП-11883/2018 по делу № А76-19180/2017 ; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25 ноября 2020 г. № 09АП-44862/2020-ГК, 09АП-44869/2020-ГК, 09АП-66511/2020-ГК по делу № А40-185830/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Тололаева Н.В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция : монография. М. : Статут, 2020. С. 107.

а именно предоставление кредитору более широкого права (по сравнению с долевым) при взыскании своего долга, на что обращал внимание выдающийся немецкий правовед, основоположник исторической школы права Ф.К. фон Савиньи⁷.

Весьма интересным, однако оставленным без внимания в ПП ВС № 45 и малоисследованным в доктрине представляется вопрос о процессуальном положении субъектов материальных правоотношений при рассмотрении споров, связанных с обеспечением обязательства должника поручительством не одного, а нескольких лиц (*сопоручество*). Или еще более сложный вариант: при множественности лиц, образуемой в результате выдачи обеспечений разного вида (например, поручительства и залога).

По общему правилу сопоручители отвечают перед кредитором солидарно (п. 3 ст. 363 ГК РФ). Рассмотрим следующий пример. Допустим, что должник Д обязан уплатить кредитору К на основании договора займа 180 000 руб. Это обязательство обеспечено *совместным* поручительством, выданным П1, П2 и П3. После неисполнения Д обязательства перед К последний предъявил в суд иск о взыскании долга в полном объеме с П2 — должника *в своем собственном, обеспечительном обязательстве*⁸.

⁷ В работе, вошедшей в золотой фонд европейской юридической мысли, ученый отмечал, что широчайшее право кредитора в пассивном солидарном обязательстве проявляется в двояком направлении: 1) в возможности выбора одного из нескольких должников, имущество которого представляет большую гарантию в исполнении; 2) в том, что он может достигнуть своей цели одним иском (легчайшим и удобнейшим способом), не ведя процесс против различных должников, сберегая время, труд и деньги. Подробнее см.: Савиньи Ф.К. фон. Обязательственное право / пер. с нем. В. Фукс и Н. Мандро. М., 1876. С. 150.

⁸ Мы присоединяемся к позиции (В.В. Витрянский, Б.М. Гонгало и др.), что именно его исполняет поручитель, но никак не основное обязательство, порожаемое договором между кредитором и должником. Подробнее об этом см., напр.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 2-е изд. М.: Статут, 2005. С. 576, 581 (автор п. 5 гл. 6 — В.В. Витрянский); Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М.: Статут, 2004. С. 88.

Его акцессорная правовая природа объективно обуславливает необходимость выявления ряда обстоятельств, связанных с существом основного, обеспечиваемого поручительством обязательства, для разрешения спора между К и П2 о взыскании обеспечительного долга. *В частности*, суду надлежит установить, не был ли частично погашен Д обеспеченный поручительством долг (это прямо влияет на объем ответственности П2); наличие (либо отсутствие) оснований для прекращения основного обязательства (ст. 367 ГК РФ). Едва ли это всегда возможно точно определить без участия в деле Д.

Более того, если П2 исполнит обеспечительное обязательство, то к нему в порядке суброгации⁹ (п. 1 ст. 365 ГК РФ, подп. 3 п. 1 ст. 387 ГК РФ) в соответствующем объеме переходит требование к Д. Аналогичная ситуация возникает и при исполнении П1 и П3. Таким образом, Д уже в данном процессе потенциально заинтересован в том, чтобы суд вынес *решение об отказе в иске*, которое может в будущем оказать негативный эффект. Стало быть, налицо материально-правовой интерес Д к делу.

Необходимо учитывать и то, что ответчик (П2) может предъявить регрессное требование о возмещении того, что было уплачено им К в равных долях, за вычетом доли, падающей на него самого (подп. 1, п. 2 ст. 325 ГК РФ; п. 3 ст. 363 ГК РФ), к другим сопоручителям (П1 и П3) — солидарным должникам в обеспечительном обязательстве. Так, в нашем примере П2 может потребовать возмещения в порядке регресса с П1 и с П3 уплаты их доли. Следовательно, последние должны быть привлечены (могут вступить) в дело, заняв в нем процессуальное положение третьих лиц «на стороне»¹⁰ ответчика. Решение по делу

⁹ Глубокую и оригинальную разработку данной правовой конструкции провел В.А. Мусин. См.: Мусин В.А. Суброгация в советском гражданском праве // Избранное. СПб.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2014. С. 13–19.

¹⁰ Здесь и далее (в подобных случаях) мы намеренно употребляем кавычки, поскольку полагаем, что третьи лица не всегда могут и должны «примыкать» к какой-либо стороне (истцу или ответчику).

может в будущем повлиять на их права и обязанности.

Мы показали выше, что Д, как субъект солидарной ответственности из основного, обеспеченного совместным поручительством обязательства, также должен быть привлечен (может вступить) в процесс в качестве третьего лица. Заметим, что все должники в обеспечительном обязательстве (П1, П2 и П3) имеют *солидарную связь*¹¹ с Д — должником в основном обязательстве. Стало быть, логично, что Д одинаково может участвовать как «на стороне» ответчика, так и «на стороне» *кого-либо из третьих лиц* (П1, П3).

При этом важно отметить, что решение суда в таком случае может в будущем повлиять на права и обязанности третьих лиц — сопоручителей (П1 и П3) не только по отношению к другому сопоручителю (П2) — *ответчику* (в плане осуществления так называемой «раскладки»), но и *к третьему лицу* Д (в плане суброгации).

Примечательно и то, что третьи лица П1 и П3 (солидарные должники в обеспечительном обязательстве) связаны с К (истцом, кредитором в основном обязательстве) в силу договора поручительства. Другое же третье лицо — Д (солидарный должник в основном обязательстве) — связано с К на основании договора займа. Следовательно, третьи лица в рассматриваемом примере имеют правовую связь как с истцом, так и с ответчиком, которая обусловлена различными основаниями¹². Изложенное влечет постановку следующего вопроса: может ли решение суда повлиять на права и обязанности третьих лиц по отношению к истцу?

Стоит полностью согласиться с одной из краеугольных идей в исследовании Н.В. Толлолаевой о том, что

¹¹ Ее условно можно обозначить как «внутренний солидаритет».

¹² Отметим, что ранее В.Н. Гапеев (правда, не приводя конкретных или возможных примеров) упоминал о возможности материально-правовой связи третьих лиц с обеими сторонами. См.: Гапеев В.Н. Участники гражданского и арбитражного процесса (сравнительный анализ правового положения). М.: Издательство Ростовского университета, 1988. С. 31.

модель солидаритета опирается лишь на общий эффект исполнения, которое освобождает по отношению к кредитору должников по всем обязательствам, независимо от того, кем оно произведено. Автор обоснованно отмечает, что исполнение, как юридический факт, имеющий общий эффект, соответствующим образом изменяет или прекращает отношения между кредитором и всеми солидарными должниками безотносительно к тому, в отношении кого из должников конкретно он наступил¹³. Из этого следует, что потенциально решение суда влияет на права и обязанности всех солидарных должников по отношению к кредитору. Поскольку некоторые из них (П1, П3 и Д) являются третьими лицами, то закономерен вывод: решение суда может повлиять на права и обязанности указанных субъектов, в том числе и по отношению к истцу (К). При этом важно, что материально-правовой эффект от такого воздействия может быть разноплановым: не только *опосредованным* (косвенным, будущим), но и *непосредственным* (возникающим уже по итогам рассмотрения дела). Так, например, решение суда об отказе в иске о взыскании обеспеченного поручительством долга с П2 ввиду признания незаключенным (недействительным) договора поручительства непосредственно (в данном деле) влияет на права и обязанности П1, П3 по отношению к истцу (К), поскольку они также являлись предполагаемыми субъектами указанного договора. Теперь же утрачивается их материально-правовая связь с К. Очевидно, решение суда оказывает непосредственное воздействие и на солидарную связь всех содолжников.

Иной характер влияния (опосредованный) могут продемонстрировать следующие случаи: возникновение в будущем спора П2 с другими сопоручителями — солидарными должниками, вытекающего из реализации так называемой раскладки, ввиду удовлетворения первым требования К в объеме, превышающем его долю; потенциально

¹³ См. об этом подробнее: Толлолаева Н.В. Указ. соч. С. 52, 95, 103.

возможный спор П2 с Д, вытекающий из суброгации.

Заметим еще и то, что в рассматриваемом примере о взыскании К долга в полном объеме с П2 *все должники-сопоруचितели* (П1, П2, П3), образующие множественность на обязанной стороне в обеспечительном (акцессорном) обязательстве, в том числе участвующие в деле в качестве *третьих лиц* (П1 и П3), являются предполагаемыми субъектами *материального правоотношения*, которое выступает *предметом судебного рассмотрения*. При этом в состоянии спора о праве находятся лишь истец и ответчик (стороны в деле).

Следовательно, третьи лица в ряде случаев, например, в делах, возникающих из различных солидарных обязательств (пассивных, активных и смешанных), являются субъектами (сторонами) *спорного материального правоотношения*, а не только связанного с ним (примыкающим к нему). Это конститутивный признак третьих лиц, который должен учитываться при доктринальном описании и нормативном воплощении соответствующей правовой конструкции.

В заключение подчеркнем, что примеры, связанные с разного рода солидарными обязательствами (в том числе обеспечительными), а также некоторыми другими гражданскими правоотношениями, достаточно отчетливо способны показать, что третьи лица могут иметь правовую связь не только с одной из сторон в деле, но и с *обеими*, а также другим третьим лицом. Кроме того, решение суда может повлиять на права и обязанности третьих лиц не только по отношению к истцу или ответчику, либо каждому из них вместе, но и по отношению к другому третьему лицу. Нельзя исключать и ситуации, когда решение суда может оказать воздействие на права и обязанности третьего лица по отношению к третьему лицу, заявляющему самостоятельные требования относительно предмета спора (при наличии правовой связи между ними).

Надеемся, что высказанные нами в рамках настоящего исследования идеи станут основой для совершенствования доктринальных, законодательных и правоприменительных подходов к юридической конструкции третьих лиц.

Литература

1. Брагинский М.И. Договорное право. В 5 книгах. Кн. 1. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. 2-е изд. Москва : Статут, 2005. 842 с.
2. Гапеев В.Н. Участники гражданского и арбитражного процесса (сравнительный анализ правового положения) / В.Н. Гапеев. Москва : изд-во Ростовского университета, 1988. 124 с.
3. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики / Б.М. Гонгало. Москва : Статут, 2004. 222 с.
4. Мейер Д.И. Русское гражданское право. В 2 частях. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902 / Д.И. Мейер. 2-е изд., испр. Москва : Статут, 2000. 829 с.
5. Мусин В.А. Избранное / В.А. Мусин. Санкт-Петербург : Редакция журнала «Третейский суд» ; Москва : Статут, 2014. 458 с.
6. Савиньи Ф.К. фон. Обязательственное право / Ф.К. фон Савиньи ; перевод с немецкого В. Фукс и Н. Мандро. Москва : Тип. А.В. Кудрявцевой, 1876. 580 с.
7. Тололаева Н.В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция : монография / Н.В. Тололаева. Москва : Статут, 2020. 144 с.
8. Уксусова Е.Е. Обращение в суд как определяющий процессуальный акт для осуществления правосудия и защиты прав по гражданским делам (начало) / Е.Е. Уксусова // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 15 (12). С. 90–108.
9. Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального правоотношения : автореферат диссертации доктора юридических наук / М.С. Шакарян. Москва, 1972. 42 с.

Нечаев**Александр Ильич,**доцент кафедры гражданского
процесса

Уральского государственного

юридического университета,

кандидат юридических наук

kafedra.gp@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-5-17-21

Предмет иска и определение вида судопроизводства по делам об оспаривании ненормативных правовых актов, решений, действий и бездействия публичной администрации

В статье рассматривается вопрос о предмете административного иска в делах об оспаривании ненормативных правовых актов, решений, действий и бездействия публичных субъектов в административном судопроизводстве, исследуются понятия ненормативных правовых актов, решений, действий, бездействия, обсуждается вопрос о требованиях, которые не могут быть предметом рассмотрения в рамках этого вида производства, обосновывается широкий подход к пониманию ненормативного правового акта как атрибута материально-правового требования по административным искам, а также дискутируются правила определения вида судопроизводства в зависимости от предмета иска.

Ключевые слова: административный иск, предмет административного иска, ненормативный правовой акт, решение, действие, бездействие, публичная администрация, вид судопроизводства.

Дела об оспаривании ненормативных правовых актов, решений, действий и бездействия публичных субъектов представляют собой одну из самых распространенных категорий споров, рассматриваемых по правилам административного судопроизводства. Согласно официальной статистике, опубликованной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, в 2019 году рассмотрены судами общей юрисдикции всего 209 094 дела по главе 22 КАС РФ¹. В 2018 году по главе 22 КАС РФ поступило 182 755 дел². Таким образом, за последние годы наблюдается тенденция к росту количества дел об оспаривании ненормативных актов публичных субъектов. Дела об осуществлении судебного контроля деятельности

публичной администрации всегда имеют повышенную общественную значимость, а с учетом роста количества таких дел дополнительную актуальность приобретает исследование вопроса о процессуальных особенностях их рассмотрения.

В рамках настоящей статьи автор предпринимает попытку рассмотреть особенности предмета иска, который может быть предъявлен по правилам главы 22 КАС РФ, а также вопрос разграничения вида судопроизводства в зависимости от такого предмета.

По вопросу о том, что понимается под предметом административного иска, в литературе единое мнение отсутствует. Так, по мнению А.Б. Зеленцова и О.А. Ястребова, предметом административного иска является способ защиты субъективного публичного права или законного интереса от неправомерных административных решений и действий (бездействия)³. Другие авторы относят к понятию предмета административного

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 07.03.2021).

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 07.03.2021).

³ Зеленцов А.Б., Ястребов О.А. Судебное административное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М., 2017. С. 437.

иска материально-правовое требование административного истца к административному ответчику, которое, в свою очередь, включает в себя предмет спора — то, по поводу чего возник правовой спор, а также способ защиты публичных прав, свобод, законных интересов⁴. Не вдаваясь в дискуссию относительно содержания этого понятия, обратим внимание на то, что, если рассматривать материально-правовое требование как составную часть предмета административного иска, неотъемлемым атрибутом этого требования по делам об оспаривании ненормативного акта будут выступать сами эти акты. В этом случае практическую значимость приобретает вопрос о том, может ли административный иск, предметом которого выступают те или иные акты, решения, действия, бездействия, вообще быть рассмотрен судом, или же имеются основания для отказа в принятии административного искового заявления по правилам п. 1 ч. 1 ст. 128 КАС РФ.

Как следует из ст. 218 КАС РФ, предметом административного иска, предъявляемого в рамках главы 22 КАС РФ, может являться оспаривание ненормативных правовых актов, решений, действий и бездействия.

Исходя из буквального толкования самого названия «ненормативный акт», к этому понятию можно отнести любой правовой акт, не являющийся нормативным. Поскольку судебный нормоконтроль осуществляется по правилам главы 21 КАС РФ, а критерии нормативного акта давно изучены в литературе⁵ и выработаны в судебной практике⁶, полагаем

излишним останавливаться на их разграничении.

С точки зрения теории права ненормативный правовой акт представляет собой акт правоприменения, поскольку он носит властный характер, направлен на установление конкретных юридических последствий (возникновение, изменение, прекращение прав или обязанностей), принимается, как правило, в рамках определенной процедуры, а также носит индивидуальный характер⁷. При этом по правилам КАС РФ невозможно оспорить акты правоприменения, для которых соответствующим процессуальным законодательством установлен специальный порядок обжалования (например, судебные акты, принятые в рамках других видов судопроизводства).

Не могут быть предметом рассмотрения в порядке главы 22 КАС РФ заявления о внесении исправлений или изменений в запись акта гражданского состояния, а также о совершенном нотариальном действии или об отказе в его совершении. Указанные дела рассматриваются по правилам глав 36, 37 ГПК РФ. При этом согласно ч. 1 ст. 307 ГПК РФ суд рассматривает дела о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния, если органы записи актов гражданского состояния при отсутствии спора о праве отказались внести исправления или изменения в произведенные записи. В этой связи представляется, что при наличии спора о праве отказ органов ЗАГС внести исправления или изменения в произведенные записи может быть предметом оспаривания путем предъявления административного иска, поскольку для дел, возникающих из административно-правовых отношений, как раз характерно наличие спора о праве, подведомственного судам⁸.

Дефиниции решений, действий и бездействия публичных субъектов были даны в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации

⁴ Административное судопроизводство : учебник для студентов высших учебных заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр) / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, С.К. Загайнова [и др.] ; под ред. В.В. Яркова (автор главы — Д. Б. Абушенко). М., 2016. С. 172–173.

⁵ См., напр.: Нерсесян В.С. Общая теория права и государства : учебник. М., 2021. С. 402 ; Теория государства и права : учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. М., 2020. С. 182.

⁶ См. пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» (утратило силу, но не утратило доктринального значения. — А.Н.). См.: СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Подробнее см.: Теория государства и права : учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. М., 2020. С. 247.

⁸ Боннер А.Т. Судебная практика по делам из административно-правовых отношений // Избранные труды по гражданскому процессу. СПб., 2005. С. 909.

от 10 февраля 2009 г. № 2. В настоящее время данное постановление утратило силу, но представляется, что данные в нем определения не утратили практической значимости.

В практике может возникнуть вопрос о том, может ли быть предметом административного иска, например, требование об оспаривании протокола, акта проверки, которым фиксируются действия в рамках определенной правоприменительной процедуры, справки и другие документы, составляемые в процессе правоприменения. В литературе высказывается точка зрения о недопустимости отнесения таких документов к индивидуальным правовым актам⁹. По нашему мнению, допустимость судебного контроля действий публичной администрации, выраженных в промежуточных или справочных документах, определяется двумя факторами.

Во-первых, взаимосвязью между такими документами и возникновением, изменением, прекращением у административного истца прав и (или) обязанностей. Если такая взаимосвязь имеет место, то соответствующие акты могут быть предметом судебного контроля.

Во-вторых, промежуточным либо окончательным характером соответствующего документа. Представляется, что промежуточный документ, по аналогии с определениями суда, не препятствующими дальнейшему движению дела, которые могут быть обжалованы лишь вместе с итоговым судебным актом, может быть предметом судебного контроля в том случае, когда он сам по себе создает правовые последствия. Примером может служить акт выездной налоговой проверки, который выступает и в качестве правоприменительного акта, которым, по существу, возбуждается преследование за совершение налогового правонарушения, то есть начинается процесс привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения. Данная правовая позиция изложена в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июня 2005 г. № 9-П.

⁹ Дементьев И. В. Отграничение индивидуальных налогово-правовых актов от иных юридических документов в сфере налогообложения // Финансовое право. 2005. № 12.

Полагаем, что чем шире круг актов, решений, действий и бездействий, которые могут быть оспорены, тем эффективней достигаются задачи административного судопроизводства — защита прав, свобод и законных интересов административных истцов. Иной подход (ограничительный) мог бы привести к ситуации, при которой признание акта не подлежащим оспариванию (исключительно по формальным основаниям) приводило бы к отказу в принятии административного иска к производству, что лишало бы истца конституционного права на судебную защиту.

Действующий в настоящее время акт официального толкования — Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» (далее также — Постановление Пленума № 36) — в п. 1 вводит разграничение по процедуре рассмотрения споров с публичной администрацией в зависимости от природы материального правоотношения, складывающегося в связи с оспариваемым актом государственного органа или местного самоуправления. Споры о признании таких актов недействительными (незаконными), если *их исполнение привело* (курсив мой. — А.Н.) к возникновению, изменению или прекращению гражданских прав и обязанностей, не подлежат рассмотрению в порядке, предусмотренном КАС РФ. Например, не подлежат рассмотрению по правилам КАС РФ служебные споры, в том числе дела, связанные с доступом и прохождением различных видов государственной службы, муниципальной службы, а также дела, связанные с назначением и выплатой пенсий, реализацией гражданами социальных прав, дела, связанные с предоставлением жилья по договору социального найма и др.

Исходя из указанного подхода, соответствующие споры должны рассматриваться (и на практике рассматриваются) при наличии спора о праве в порядке искового производства по правилам ГПК РФ.

Приведенный подход обосновывался в литературе тем, что не всякая проверка судом действий административного

органа дает основание для отнесения соответствующего дела к числу дел, возникающих из административно-правовых отношений. Как писал Д.М. Чечот, только административно-правовой характер спора, не связанный с какими-либо гражданско-правовыми последствиями, дает основания для отнесения дела к административному судопроизводству¹⁰.

Данный подход не лишен определенных недостатков. Фактически он означает, что при принятии к производству административного искового заявления суд общей юрисдикции вынужден решать вопрос о том, не повлечет ли исполнение оспариваемого ненормативного акта возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. От ответа на этот вопрос зависит правильное определение вида судопроизводства, а от вида судопроизводства — ряд существенных отличий в распределении бремени доказывания, пределах активности суда в процессе, сроках для обращения в суд и т.д. Ошибка, допущенная судом или лицами, участвующими в деле, при решении этого вопроса, может повлечь отмену состоявшихся по делу судебных актов¹¹. До внесения изменений в п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 128 КАС РФ¹² у судов общей юрисдикции имелось основание для отказа в принятии искового заявления (административного искового заявления) по тем основаниям, что оно не подлежит рассмотрению соответственно в порядке административного или гражданского судопроизводства. Одна-

ко внесение соответствующих изменений окончательно проблему не решило. Например, с учетом правила об альтернативной подсудности дел об оспаривании ненормативных актов публичных субъектов, если истцом является гражданин (ч. 3 ст. 24 КАС РФ), исковое заявление может быть неосновательно возвращено как неподсудное, если суд сочтет, что оно подлежит рассмотрению в порядке искового производства по правилам ГПК РФ, а оно было подано истцом-гражданином по месту своего жительства.

Буквальное истолкование абзаца пятого п. 1 Постановления Пленума № 36 позволяет признать любое дело, в котором оспариваются ненормативные акты публичных субъектов, подлежащим рассмотрению по правилам ГПК РФ, поскольку практически любой акт публичного субъекта влечет за собой (прямо или косвенно) возникновение гражданских прав и обязанностей. Трудно представить себе акт публичной администрации, не порождающий последствий в гражданско-правовой сфере, будь это незаконное постановление судебного пристава-исполнителя, вынесенное им в рамках исполнительного производства, или решение избирательной комиссии.

Более того, сам тезис о том, что процессуальный порядок рассмотрения дела об оспаривании акта публичного субъекта зависит от природы материальных правоотношений, лежащих в основе такого акта, и природа этих правоотношений должна определять вид судопроизводства — гражданского или административного, представляется спорным. Природа материального правоотношения (в совокупности с субъектным составом) обоснованно лежит в основе разграничения компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов, в том числе и по делам административного судопроизводства. Логика такого разграничения связана со специальным характером арбитражных судов, профессиональной специализацией судей на разрешении экономических споров. Что же касается определения вида производства в рамках одной и той же системы судов общей юрисдикции, в зависимости от природы правоотношений, лежащих в основе оспариваемых ненормативных актов, то такой логической связи не усматривается.

¹⁰ Чечот Д.М. Административная юстиция (теоретические проблемы) Л., 1973. С. 92.

¹¹ См., например, Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 46-КА20-2. В данном деле были отменены судебные акты нижестоящих судов о прекращении производства по делу. Судебная коллегия указала, что заявленные требования связаны с реализацией административным ответчиком административных и иных публично-властных полномочий по принятию решения в отношении заявления, поданного административным истцом, а потому дело подлежало рассмотрению в порядке административного судопроизводства.

¹² Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Основным критерием, позволяющим отнести дело об оспаривании ненормативного акта публичного субъекта к административному судопроизводству, следует признать сам факт принятия оспариваемого акта именно публичной администрацией, поскольку принятие такого акта обусловлено реализацией этим субъектом своих полномочий в публичной сфере, а значит, правоотношения, связанные с таким актом, в любом случае носят вертикальный, властный характер и не предполагают равенства их участников.

Сторонники приведенного тезиса о связи материально-правового отношения, лежащего в основе оспариваемого акта, с видом производства и, соответственно, о необходимости рассмотрения служебных споров, а также дел, связанных с назначением и выплатой пенсий, реализацией гражданами социальных прав в рамках искового производства по правилам ГПК РФ, могут привести следующий аргумент: рассмотрение такого спора фактически будет связано с установлением наличия или отсутствия у административного истца соответствующих субъективных гражданских прав, например права на получение пенсии.

Однако, как справедливо отмечал еще в 1992 году А.Т. Боннер, «ответить на вопрос о правомерности или неправомерности обжалуемых действий органа государственного управления или должностного лица, то есть разрешить административно-правовой спор по существу, практически невозможно, не вникая в нюансы гражданских, жилищных, трудовых и иных правоотношений, неразрывно связанных с ним»¹³.

Таким образом, представляется, что независимо от природы материально-правовых отношений, лежащих в основе акта публичной администрации, спор о праве, связанный с оспариванием такого акта, подлежит рассмотрению в рамках административного судопроизводства. Иной подход приводит к путанице в определении вида судопроизводства, а также к лишению заинтересованных лиц дополнительных прав и повышенных гарантий, предоставленных в административном судопроизводстве тем, кто находится в подчиненном, неравном положении в отношении с публичной администрацией.

¹³ Боннер А.Т. Указ. соч. С. 909.

Литература

1. Административное судопроизводство : учебник для студентов высших учебных заведений / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, С.К. Загайнова [и др.] ; под редакцией В.В. Яркова. Москва : Статут, 2016. 560 с.
2. Боннер А.Т. Судебная практика по делам из административно-правовых отношений // Боннер А.Т. Избранные труды по гражданскому процессу / А.Т. Боннер. Санкт-Петербург : Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 990 с.
3. Дементьев И.В. Отграничение индивидуальных налогово-правовых актов от иных юридических документов в сфере налогообложения / И.В. Дементьев // Финансовое право. 2005. № 12. С. 6–9.
4. Зеленцов А.Б. Судебное административное право : учебник для студентов вузов / А.Б. Зеленцов, О.А. Ястребов. Москва : Статут, 2017. 768 с.
5. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства : учебник / В.С. Нерсесянц. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2021. 560 с.
6. Теория государства и права : учебник / ответственный редактор В.Д. Перевалов. Москва : Юрайт, 2020. 341 с.
7. Чечот Д.М. Административная юстиция (теоретические проблемы) / Д.М. Чечот. Ленинград : изд-во Ленинградского ун-та, 1973. 134 с.

**Пахарукова
Ирина Александровна,**
юрист
stu575@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-5-22-26

Защита ответчика против группового иска в гражданском и арбитражном процессе

В статье анализируются вопросы защиты ответчика против группового иска, включая период до процессуальной реформы и после нее. Автор исследует вопрос возможности предъявления встречного иска в групповом производстве, а также изучает возражение в качестве основного средства защиты отвечающей стороны против группового иска. Предлагается классификация возражений по правовому результату, на который они направлены, а также в зависимости от условий группового разбирательства, против которых возражения могут быть заявлены. Делается вывод о том, что наиболее перспективным видом возражений выступают возражения против условия схожести фактических обстоятельств, лежащих в основании прав участников группы и обязанностей ответчика. С опорой на процессуальную доктрину и судебную практику изучаются варианты возражений по определенным спорам, а также моделируется возможная стратегия защиты ответчика в групповом производстве на примере конкретного дела.

Ключевые слова: групповой иск, защита ответчика против иска, встречный иск, возражение.

В результате процессуальной реформы институт группового иска претерпел серьезные изменения, которые предоставляют широкие возможности по защите прав большим группам лиц. Открывшиеся перспективы для отстаивания своих прав и законных интересов широким кругом граждан и юридических лиц диктуют необходимость обращения к вопросу защиты ответчика, противостоящего потенциально огромному числу истцов.

Встречный иск как средство защиты ответчика против группового иска

Ключевой характеристикой группового иска, во многом предопределяющей его суть, является множественность лиц на истцовой стороне¹, что сближает данный правовой институт с институтом процессуального соучастия. Вопрос о возможности предъявления встречного иска в групповом производстве, таким образом, может быть решен с опорой на существующие наработки по вопросу о применении данного средства защиты в процессуальном соучастии.

Н.Т. Арапов считал, что встречный иск возможен как в активном, так и в пассивном соучастии². По мнению Н.И. Клейн, каждый из соучастников действует самостоятельно, поэтому с учетом принципа равноправия сторон в процессе возможно предъявление встречного иска каждым из них³. Современной наукой вопрос о возможности применения встречного иска в соучастии решен аналогичным образом положительно⁴.

В то же время возможности лиц, присоединившихся к требованию группы, влиять на ход процесса ограничены. Участники группы могут действовать в процессе исключительно через истца-представителя, чем обусловлено их право ходатайствовать о замене последнего (п. 2 ч. 1 ст. 244.23 ГПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 225.10-2 АПК РФ). Следовательно, говорить о самостоятельном характере их участия в деле вряд ли возможно. С этой

¹ Ярков В.В. Юридические факты в гражданском процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 259.

² Арапов Н.Т. Встречный иск в советском гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1965. С. 20.

³ Клейн Н.И. Встречный иск в суде и арбитраже. М.: Статус, 2017. С. 72.

⁴ Егорова Л.В. Лица, заявляющие встречный иск // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 3 (28). С. 312.

позиции встречный иск хотя формально и не запрещен в групповом производстве, однако предъявление его к кому-либо из участников группы представляется затруднительным⁵. Кроме того, в деле с потенциально большим числом участников разрешение встречных исков может значительно усложнить и затянуть и без того сложное групповое дело. Между тем ответчик не лишен возможности предъявить отдельный самостоятельный иск, инициировав новое судебное разбирательство, поэтому его право на защиту ни в коем случае не нарушается.

Возражение как основное средство защиты ответчика против группового иска

Центральным средством защиты ответчика против группового иска является возражение. Возражения могут быть классифицированы в зависимости от правового результата, на который они направлены. По этому основанию можно выделить возражения, направленные на исключение отдельных лиц из группового производства, а также возражения, целью которых выступает исключение группового разбирательства в целом ввиду несоответствия группы законодательно установленным требованиям.

Примером первого вида возражений выступает указание ответчиком на использование одним участником иного способа защиты, нежели используемого остальными членами группы. В этой связи представляется необходимым предусмотреть в законодательстве возможность подачи подобного ходатайства, правовым результатом которого будет выступать исключение отдельных участников группы. Временные пределы такого ходатайства должны соответствовать праву присоединения к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц (ч. 6 ст. 244.20 ГПК РФ, ч. 6 ст. 225.10 АПК РФ). Следовательно, возможность их подачи целесообразно ограничить периодом от

возбуждения группового производства до перехода к судебным прениям. Со стороны защиты удовлетворение такого ходатайства приведет к уменьшению количества участников группы и впоследствии к минимизации негативных последствий в случае выигрыша дела истцом-представителем.

Второй вид возражений с практических позиций более эффективен, поскольку делает невозможным само групповое разбирательство. Так, результатом отсутствия численного порога участников группы (5 лиц и 20 лиц помимо истца-представителя в арбитражном и гражданском процессе) выступает оставление судом группового иска без рассмотрения. В то же время не стоит проводить четкой границы между указанными видами возражений, поскольку возможны ситуации, когда исключение отдельных участников приводит к невозможности группового разбирательства по причине несоответствия группы законодательно установленному численному порогу.

Следующим основанием для классификации возражений являются условия группового разбирательства, против которых и направлено данное средство защиты. Возражения ответчика могут быть направлены, в частности, против наличия по отношению к каждому участнику группы общего ответчика; общности или однородности прав и законных интересов группы и т.д. Каждое из данных возражений имеет свою специфику. В дополнение к этому возражения против отдельных критериев будут более перспективными с точки зрения защиты ответчика по сравнению с возражениями против других условий группового производства.

Возражения против условий группового производства

1. Защита ответчика против группового иска до процессуальной реформы

Вследствие процессуальной реформы положения ч. 1 ст. 225.10 АПК РФ были изменены, а в ГПК РФ была введена глава 22.3 с аналогичным по содержанию ч. 1 ст. 244.20 ГПК РФ.

Отмечавшаяся многими авторами неудачность формулировки единого правоотношения в качестве критерия группо-

⁵ Встречный иск в групповом производстве допустим в США. Суды штатов, которые разрешают подачу встречных исков, требуют их предъявления в течение определенного периода времени, с обязательным контролем суда с целью недопущения нарушения хода группового разбирательства. См.: Thomas A. Dickerson. Class Actions: The Law of 50 States // Law Journal Press. 2020. P. 4–79.

вого производства⁶ создавала в то же время большой потенциал для выдвижения ответчиками возражений против группового разбирательства. Таким образом, успешно для себя отвечающая сторона указывала на несоблюдение истцом критерия единого правоотношения, связывающего всех участников группы с ответчиком. Например, в деле № А40-18921/18-54-87 был предъявлен групповой иск о признании права собственности на боксы, входящие в состав помещения. Суд отметил, что в группу лиц входят собственники отдельно взятых нежилых помещений (боксов). Таким образом, каждый из участников группы обладал индивидуальным правом собственности в отношении спорных помещений, поэтому критерий единства правоотношения не был соблюден⁷.

Толкуя единое правоотношение как общественное отношение, возникающее по поводу одного и того же предмета между одними и теми же участниками, суды отмечали, что в исковых заявлениях, предъявленных в соответствии с главой 28.2 АПК РФ, предмет иска должен быть единым для всех участников. Соответственно, обращение ответчиком внимания суда на различия в формулировке исковых требований для каждого из членов группы приводило к невозможности группового производства. В частности, в деле № А40-136718/17-35-1241 в групповом иске собственников помещений многоквартирного дома содержалось требование о взыскании неосновательного обогащения за пользование помещением, принадлежащим им на праве общей долевой собственности,

⁶ См., напр.: Ходыкин Р.М. Некоторые вопросы применения новых положений Арбитражного процессуального кодекса о групповом производстве // Вестник ФАС Уральского округа. 2010. № 1. С. 139; Ярков В.В., Тимофеев Ю.А., Ходыкин Р.М. О проекте главы 38.1 ГПК «Рассмотрение дел о защите прав и законных интересов группы лиц» // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 8. С. 17; Долганичев В.В. К проблеме объективного условия возбуждения группового производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 9. С. 44–48; Баранов С.Ю. Групповые иски в гражданском и административном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2016. № 1. С. 78.

⁷ Определение Арбитражного суда города Москвы от 20 апреля 2018 г. по делу № А40-18921/18-54-87 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

пропорционально долям в праве. Следовательно, поскольку сформулированное требование не явилось общим для всех, а было определено для каждого участника отдельно, суд посчитал, что члены группы являются участниками однородных правоотношений, но не одного спорного правоотношения⁸.

2. Защита ответчика против группового иска после процессуальной реформы.

Возражения против схожести фактических обстоятельств

Наиболее эффективным возражением против группового иска следует считать возражение против наличия схожих фактических обстоятельств, лежащих в основании прав членов группы и обязанностей ответчика (п. 3 ч. 1 ст. 225.10 АПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 244.20 ГПК РФ). Суть данного способа защиты заключается в указании на серьезные фактические различия между участниками в зависимости от специфики конкретного дела. Так, например, в делах о возмещении вреда, причиненного здоровью граждан в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, ответчики могут указывать, в частности, на то, что общее состояние здоровья потерпевших, близость их проживания к источнику загрязнения, длительность воздействия негативных факторов на их здоровье существенно отличаются у каждого из лиц, входящих в группу. А по спорам, связанным с осуществлением деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, ответчики могут указывать на отсутствие схожих фактических обстоятельств в каждом конкретном случае, вызванных различием в объеме имеющиеся у лиц информации на конкретный период времени, которым они располагали при совершении сделок, различиями в раз- мере требований, иных обстоятельствах.

Критерий схожести фактических обстоятельств не требует наличия идентичных фактов в каждом конкретном случае. Следовательно, защита ответчика должна быть сосредоточена на поиске существенных отличий, носящих очевидно

⁸ Определение Арбитражного суда города Москвы от 13 сентября 2017 г. по делу № А40-136718/17-35-1241 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

несовместимый с групповым разбирательством характер.

С точки зрения изучения возможных возражений ответчика против упомянутого критерия интересным для анализа представляется дело по групповому иску Д.В. Исайкиной и 55 присоединившихся лиц к ООО «Фем Фаталь Рус»⁹ о взыскании в пользу каждого из истцов стоимости приобретенного товара и компенсации морального вреда.

Относительно требования о взыскании стоимости приобретенного товара фактические обстоятельства были практически идентичны. Так, каждый из потребителей дистанционным способом приобрел сыворотку для лечения акне, производителем которой являлся ответчик. Каждый из участников группы получил идентичный товар, на котором отсутствовала, по мнению истца, вся необходимая информация о косметическом средстве (нарушение требований к маркировке товара). Различия касались лишь количества приобретенных сывороток (1 штука, 14 штук, 21 штука, 49 штук). Данное отличие не является настолько существенным, чтобы возражения против него были приняты во внимание судом.

В то же время помимо идентичных вышеописанных фактов у некоторых из участников группы вследствие применения сыворотки появились негативные последствия в виде проблем с кожей. Так, например, «спустя некоторое время после использования (сыворотки) (одна из участниц) заметила на лице появившиеся после ее использования пигментные пятна»¹⁰. У другой участницы «на коже лица начались высыпания... ей поставлен диагноз экзематид»¹¹. У третьей участницы «появились дополнительные высыпания»¹².

Хотя в данном деле не было заявлено требование о возмещении вреда здоровью в связи с указанными обстоятельствами, представляется возможным смоделировать возражения ответчика против соблюдения критерия схожести фактических обстоятельств.

Во-первых, приобретенный товар, который использовали участники группы лиц, вызвал разные последствия для каждой из них (наличие *дополнительных* наряду с имеющимися воспалений; *новых* воспалений, *аллергическую* реакцию; либо же вообще *отсутствие* каких-либо негативных последствий для кожных покровов). Например, большинство участниц группы вообще не пострадали от действия косметического средства.

Во-вторых, различия могут быть связаны с частотой приема косметического средства, которая могла повлиять на конечный результат (один раз в неделю / день; два раза в неделю / день; один раз в месяц и т.д.).

В-третьих, продолжительность приема сыворотки могла быть не идентичной для каждой из пострадавшей (месяцы, недели, дни и т.д.).

В-четвертых, различное поведение участницы группы после обнаружения негативных последствий для кожи.

В-пятых, имеющиеся у участниц группы кожные и иные заболевания, возможные аллергические реакции и иные обстоятельства, свидетельствующие о различном состоянии кожи, которые повлияли или могли повлиять на возникший результат.

Итак, как представляется, данные различия между участниками группы в их совокупности следует отнести к числу существенных и, следовательно, перспективных с позиции защиты ответчика.

Возражения против использования всеми членами группы одинакового способа защиты и предмета спора

С организационной точки зрения присоединение участника к группе происходит либо путем направления заявления истцу-представителю, либо в суд при условии, что лицо присоединилось к требованию уже после принятия группового иска к производству суда (ч. 6 ст. 244.20 ГПК РФ, ч. 6 ст. 225.10 АПК РФ). В первом случае избрание иного способа защиты, чем тот, который выбран истцом-представителем и всеми иными участниками, вряд ли возможен, поскольку составляет единое исковое заявление для всех участников под

⁹ URL: <https://moskovsky--chv.sudrf.ru> (дата обращения: 27.03.2021).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

контролем истца-представителя. В случае же направления заявления непосредственно в суд после принятия группового иска к его производству вероятность указания на иной способ защиты, как представляется, выше, особенно в том случае, если потенциальный участник не осведомлен о выбранном способе защиты всех остальных участников группы.

Предметом спора должны являться общие или однородные права и обязанности. Данное условие совпадает с условиями, необходимыми для процессуального соучастия. Е.А. Нефедьев еще в 1891 г. указывал, что для субъективного соединения исков характерна принудительность соучастия для отвечающей стороны, поскольку последняя не может препятствовать соучастию, если имеются указанные в законе основания. Следовательно, возражения ответчика против указанного правового института должны основываться на «недостатке того или другого условия для установления

соучастия»¹³. Исходя из этого, потенциально возражения ответчиков могут быть направлены на отсутствие общности (однородности) защищаемых прав и законных интересов членов группы лиц.

Вывод

Наиболее перспективным средством защиты ответчика против группового иска следует признать возражение. При этом, как представляется, самым эффективным являются возражения против соблюдения критерия схожести фактических обстоятельств, лежащих в основании прав членов группы и обязанностей ответчика. Деятельность отвечающей стороны в этом случае должна быть сосредоточена на отыскании очевидных для суда отличий, препятствующих групповому разбирательству.

¹³ Нефедьев Е.А. К учению о сущности гражданского процесса: Соучастие в гражданском процессе. Соучастие по немецкому и французскому праву. Казань: Тип. Ун-та, 1891. С. 38.

Литература

1. Арапов Н.Т. Встречный иск в советском гражданском процессуальном праве: автореферат диссертации кандидата юридических наук / Н.Т. Арапов. Томск, 1965. 25 с.
2. Баранов С.Ю. Групповые иски в гражданском и административном судопроизводстве Российской Федерации / С.Ю. Баранов // Вестник гражданского процесса. 2016. № 1. С. 78–88.
3. Долганичев В.В. К проблеме объективного условия возбуждения группового производства / В.В. Долганичев // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 9. С. 44–48.
4. Егорова Л.В. Лица, заявляющие встречный иск / Л.В. Егорова // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 3 (28). С. 312–318.
5. Клейн Н.И. Встречный иск в суде и арбитраже / Н.И. Клейн. Москва: Статут, 2017. 368 с.
6. Нефедьев Е.А. К учению о сущности гражданского процесса: Соучастие в гражданском процессе. Соучастие по немецкому и французскому праву: диссертация доктора гражданского права / Е.А. Нефедьев. Казань, 1891. 231 с.
7. Ходыкин Р.М. Некоторые вопросы применения новых положений Арбитражно-процессуального кодекса о групповом производстве // Вестник Федерального Арбитражного Суда Уральского округа. 2010. № 1. С. 132–143.
8. Ярков В.В. О проекте главы 38.1 ГПК «Рассмотрение дел о защите прав и законных интересов группы лиц» / В.В. Ярков, Ю.А. Тимофеев, Р.М. Ходыкин // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 8. С. 16–20.
9. Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе / В.В. Ярков. Москва; Берлин: Инфотропик Медиа, 2012. 582 с.

References

1. Dickerson T.A. Class Actions: The Law of 50 States / T.A. Dickerson. Law Journal Press. 2020. 1340 p.

Потапенко

Евгений Георгиевич,

доцент кафедры гражданского права
и процесса Саратовского Национального
исследовательского
государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского,
доцент кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной
юридической академии,
кандидат юридических наук
egpotapenko@rambler.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-5-27-30

Процессуально-правовые последствия несоблюдения обязательного претензионного порядка при обращении в арбитражный суд

В статье предпринята попытка обоснования необходимости дифференцированного подхода к применению процессуально-правовых последствий несоблюдения обязательного претензионного порядка при обращении в арбитражный суд. В качестве критерия определения конкретного процессуально-правового последствия предлагается рассматривать достижимость цели претензионного порядка с учетом этапа рассмотрения дела и процессуального поведения сторон. Высказывается мнение о необходимости более четкого регулирования процессуальных последствий несоблюдения претензионного порядка посредством специальных правоположений и разъяснений высшим судебным органом.

Ключевые слова: арбитражный процесс, претензионный порядок, досудебный порядок, специализация права, дифференциация судопроизводства.

Одной из широко применяемых процедур досудебного урегулирования коммерческих споров является претензионный порядок. Целью реализации претензионного порядка является прекращение правового спора посредством его урегулирования сторонами материального правоотношения¹. В зависимости от императивности соблюдения претензионный порядок может быть обязательным досудебным или факультативным (необязательным). В зависимости от источника обязательный претензионный порядок может устанавливаться в материальном законе (п. 1 ст. 797; п. 5.1 ст. 1252 ГК РФ² и другие), в процессуальном законе (ч. 5 ст. 4 АПК РФ³) или в договоре. Закрепление

обязательного претензионного порядка в материальном законе, на наш взгляд, соответствует специфике спорного материального правоотношения. Например, согласно общему правилу п. 1 ст. 450 ГК РФ⁴ расторжение договора осуществляется по соглашению сторон. В одностороннем порядке договор может быть расторгнут судом в связи с существенным нарушением условий договора другой стороной (п. 2 ст. 450 ГК РФ). Логично, что обращению в суд с иском об одностороннем расторжении договора должна предшествовать досудебная процедура урегулирования спора, которая закреплена в п. 2 ст. 452 ГК РФ. Включение обязательного претензионного порядка в договор обосновывается свободой договора (ст. 421 ГК РФ) и диспозитивным регулированием.

Помимо материального закона и договора, обязательный претензионный порядок закрепляется в ч. 5 ст. 4

¹ См.: Князев Д.В. Досудебное урегулирование спора в арбитражном процессе в контексте примирительных и иных досудебных процедур в зарубежных юрисдикциях // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 6. С. 78–79.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2020. № 50 (часть III). Ст. 8073.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2019. № 52 (часть I). Ст. 7807; Гражданский кодекс Рос-

сийской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // СЗ РФ. 2006. № 52 (часть I). Ст. 5496; Российская газета. 2021. 12 января.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2019. № 51 (часть I). Ст. 7482.

АПК РФ. Не вдаваясь в дискуссии относительно редакционных особенностей нормы АПК РФ об обязательном претензионном порядке, считаем, что обоснованность закрепления данного порядка в нормах процессуального закона является сомнительной. Во-первых, претензионный порядок является материальной правовой процедурой, и с точки зрения отраслевой чистоты источником данной процедуры должен быть материальный закон либо договор. Во-вторых, обязательный претензионный порядок, закрепленный в АПК РФ, не учитывает специфику спорного материального правоотношения, как это происходит при закреплении аналогичных порядков в материальном законе (ст. 452 ГК РФ и др.). В этой связи установление обязательного претензионного порядка для широкой категории споров (например, по денежным требованиям, вытекающим из договоров) не соответствует логике развития регулятивного и охранительного материального правоотношения. В-третьих, с учетом развитости современных коммуникационных средств в бизнес-сообществе достаточно распространено досудебное урегулирование посредством телефонных переговоров, электронной переписки и иных способов коммуникации. В-четвертых, подтвердить либо опровергнуть наличие позитивного эффекта от введения обязательного претензионного порядка в отношении широкого круга споров невозможно по причине отсутствия верифицированных данных⁵. Наконец, в-пятых, в практической деятельности необходимость реализации данного порядка, который не соответствует структуре спорного материального правоотношения и пользу от которого не представляется возможным обосновать эмпирическими данными, приводит к допущению злоупотребления со

стороны недобросовестных контрагентов и иным негативным последствиям⁶.

Минимизировать негативные последствия обязательного претензионного порядка, установленного в процессуальном законе, следует за счет дифференцированного подхода к толкованию и применению процессуально-правовых последствий его несоблюдения. Следует учитывать, что реализация претензионного порядка с точки зрения защиты нарушенного права не является самоцелью. Данный порядок должен привести к урегулированию спора сторонами без посредства арбитражного суда, поэтому если для суда, исходя из поведения сторон, будет очевидна невозможность достижения цели претензионного порядка, то наступление негативных процессуальных последствий его несоблюдения нецелесообразно. Иными словами, не каждое нарушение обязательного претензионного порядка должно приводить к возвращению искового заявления (п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ) или оставлению его без рассмотрения (п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ). В каждом случае суд, оценивая поведение сторон спора, должен прийти к выводу о пригодности данного спора к урегулированию, то есть потенциальной возможности достижения цели претензионного порядка.

Несоблюдение обязательного претензионного порядка может быть выявлено арбитражным судом на разных этапах рассмотрения дела.

По общему правилу несоблюдение обязательного претензионного порядка на этапе предъявления иска и возбуждения производства по делу влечет возвращение искового заявления (п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ). Однако на практике суд может не располагать сведениями о соблюдении истцом претензионного порядка, поэтому вынужден оставить исковое заявление без движения в связи с несоблюдением требований п. 8 ч. 2 ст. 125 и п. 7 ч. 1 ст. 126 АПК РФ. В случае если срок оставления без движения

⁵ Практикующие юристы указывают на низкую эффективность обязательного претензионного порядка при обращении в арбитражный суд. См., напр.: Балакин Ю.Н. Востребованность примирительных процедур: взгляд профессиональных представителей // Третейский суд. 2019. № 1/2. С. 271–272.

⁶ См., напр.: Раздьяконов Е.С. К вопросу о стоимости правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 3. С. 3–5.

будет установлен более тридцати календарных дней (в том числе при последующем продлении срока) и по истечении указанного срока истец представит в суд документы, подтверждающие направление претензии ответчику после обращения в суд, но тридцатидневный срок ответа на претензию истек, то суд должен принять данное заявление к рассмотрению. На практике также встречаются случаи обращения в суд после направления претензии ответчику, но до истечения срока ответа на нее. В пункте 8 Обзора практики, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июля 2020 г.⁷, содержится разъяснение, согласно которому во всех подобных случаях исковое заявление подлежит возвращению. С учетом правовой природы и цели претензионного порядка указанное разъяснение следует признать правильным лишь отчасти. Рассматривая вопрос принятия искового заявления к рассмотрению в подобных случаях, суд должен учитывать наличие ответа на претензию. Если ответ от ответчика поступил и приложен к исковому заявлению, то суд должен принять данное исковое заявление к рассмотрению. В случае если истечение тридцатидневного срока выпадает на период рассмотрения судом вопроса о принятии искового заявления, то суд также должен принять исковое заявление к рассмотрению. В иных случаях нарушения обязательного претензионного порядка на этапе предъявления искового заявления приводит к возвращению искового заявления.

При рассмотрении вопроса о соблюдении обязательного претензионного порядка суду следует исходить из возможности использования истцом разных способов направления претензии (вручение нарочно; направление почтовым отправлением; направление курьерской службой; направление в

электронной форме и т.д.). В пункте 5 Обзора практики, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июля 2020 г., содержится разъяснение, согласно которому направление претензии по адресу электронной почты ответчика в случае, если такой порядок явно и недвусмысленно установлен в договоре, свидетельствует о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора. Представляется, что высший суд истолковал норму ч. 5 ст. 4 АПК РФ чрезмерно узко. Учитывая материально-правовой характер претензионной процедуры, к вопросу о выборе истцом способа направления претензии подлежит применению ст. 165.1 ГК РФ, а также разъяснения, содержащиеся в п. 65 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁸, которые допускают направление юридически значимого сообщения посредством электронной почты, факсимильной и другой связи, а также иными способами, при которых можно достоверно установить, от кого исходило сообщение и кому оно адресовано. На наш взгляд, норма ч. 3 ст. 125 АПК РФ к отношениям по соблюдению претензионного порядка применению не подлежит. В случае, если конкретный способ направления не установлен в договоре, суд должен исходить из допустимости любого способа направления, позволяющего с необходимой достоверностью определить адресата и содержание претензии.

Несоблюдение истцом обязательного претензионного порядка, выявленное на этапе рассмотрения дела в арбитражном суде, в качестве негативного последствия предусматривает оставление искового заявления без рассмотрения (п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ). При выявлении подобного нарушения суд также должен использовать дифференцированный подход. В целом правило об оставлении иска без рассмотрения должно при-

⁷ Обзор практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

меняться при фактическом неучастии ответчика в процессе, то есть когда позиция ответчика относительно иска суду неизвестна и не может быть установлена судом в рамках рассматриваемого дела. Однако если истец представляет в суд документы о направлении ответчику претензии после обращения в суд, срок ответа на которую истек, то оставление без рассмотрения нецелесообразно, поскольку не потребует совершения от истца каких-либо действий по урегулированию спора. При фактическом участии ответчика в судебном заседании суду следует выяснить его позицию относительно заявленного иска. Если ответчик возражает против иска, то суд, на наш взгляд, не вправе оставлять исковое заявление без рассмотрения, так как цель досудебного урегулирования спора представляется недостижимой. В случае если ответчик настаивает на оставлении искового заявления без рассмотрения, то действует принцип эстоппель и недопустимость злоупотребления процессуальными правами (ч. 2 ст. 41 АПК РФ), поскольку ответчик должен либо добровольно удовлетворить иск в рамках рассматриваемого дела, либо возражать против него, либо реализовать при согласии истца судебные примирительные процедуры.

Несоблюдение обязательного претензионного порядка при обращении в арбитражный суд может повлечь не только последствия в виде невозможности рассмотрения спора (возвращение искового заявления; оставление искового заявления без рассмотрения), но и негативные последствия финансового характера в виде отнесения на истца

судебных расходов (ст. 111 АПК РФ). На наш взгляд, данный механизм является более логичным и не приводит к противопоставлению права на обращения в суд и обязательного претензионного порядка. При рассмотрении данного вопроса в фокусе арбитражного суда находятся действия сторон, направленные на соблюдение обязательного претензионного порядка. Соответственно, перечисленные выше нарушения истцом претензионного порядка, которые не повлекли возвращения искового заявления или оставления его без рассмотрения, могут являться основанием для отнесения на него судебных расходов в порядке ст. 111 АПК РФ. Например, если ответчик удовлетворяет исковое заявление в рамках рассматриваемого судом спора и при нарушении истцом претензионного порядка, то суд вправе отнести судебные расходы на истца, если установит, что реализация истцом претензионного порядка привела бы к удовлетворению требований истца на досудебной стадии.

Таким образом, применение процессуально-правовых последствий несоблюдения обязательного претензионного порядка при обращении в арбитражный суд должно осуществляться дифференцированно с учетом правовой природы и цели указанного порядка. Для наиболее полного и комплексного регулирования данного вопроса высшему суду целесообразно проводить обобщение судебной практики и разрабатывать специальные правовые положения, закрепляющие процессуальные действия суда в зависимости от специфики нарушения и этапа его выявления.

Литература

1. Балакин Ю.Н. Востребованность примирительных процедур: взгляд профессиональных представителей / Ю.Н. Балакин // Третейский суд. 2019. № 1/2. С. 271–277.
2. Князев Д.В. Досудебное урегулирование спора в арбитражном процессе в контексте примирительных и иных досудебных процедур в зарубежных юрисдикциях / Д.В. Князев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 6. С. 73–79.
3. Раздьяконов Е.С. К вопросу о стоимости правосудия / Е.С. Раздьяконов // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 3. С. 3–5.

**Емалтынов
Андрей Рауфович,**
доцент кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
kafedra.gp@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-5-31-35

Некоторые проблемы оценки электронных доказательств в системе электронного правосудия

В статье рассматриваются некоторые проблемы оценки электронных доказательств в гражданском и арбитражном процессе. Значение этих вопросов стало особенно актуально в условиях применения ограничительных мер, вызванных распространением коронавирусной инфекции. Новые технологии подвергли определенной трансформации институт доказывания как с организационной, так и с содержательной стороны судопроизводства. Автор отмечает особенности оценки судом относимости, допустимости и достоверности электронных доказательств, разграничивает значение формы электронного документа и электронного образа документа, предлагает соотношение электронных доказательств с иными видами доказательств в гражданском и арбитражном процессе.

Ключевые слова: электронные доказательства, электронные документы электронное правосудие, оценка доказательств, достоверность доказательств.

В системе электронного правосудия как форме осуществления процессуальной деятельности¹ с использованием автоматизированных информационных систем² по-новому отображаются, на первый взгляд, традиционные принципы и категории гражданского процесса, повышаются риски вторжения в систему судопроизводства посторонних лиц, искажение или представление ложной информации³. Правовая природа электронных доказательств определяется исследователями по-разному. Так, известна и поддерживается современными авторами возможность квалификации носителей информации, выполненных с использованием компьютерных технологий, как вещественных доказательств⁴.

Отнесение электронных доказательств к числу письменных (ст. 75 АПК РФ, 71 ГПК РФ) было известно цивилистиче-

скому процессу и ранее: так, пунктом 4 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 апреля 1987 г. № 3⁵ допускалось принятие в качестве письменных доказательств документов, полученных с помощью электронно-вычислительной техники, что, однако, не отражает всю сущность электронных доказательств. В частности, едва ли верно рассматривать исходный, первичный экземпляр (исходный файл) электронного образа документа в качестве «подлинника», поскольку это понятие характерно для письменных доказательств. В пользу отнесения электронных доказательств к письменным говорит сходный порядок создания — отображение на определенном материальном носителе сознания человека посредством избранного им набора символов⁶. При этом внешней форме отражения (буквенные обозначения или символы, применяемые в информационных технологиях) отдается второстепенное значение.

¹ Концепция развития информатизации судов до 2020 года, утв. постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 19 февраля 2015 г. № 439 // СПС «КонсультантПлюс».

² Романенкова С.В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4. С. 26–31.

³ Ярков В.В. Электронное правосудие // ЭЖ-Юрист. 2006. № 41.

⁴ Шакарян М.С. Советский гражданский процесс. М., 1985. С. 183.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 апреля 1987 г. № 3 «О строгом соблюдении процессуального законодательства при осуществлении правосудия по гражданским делам» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Чечот Д.М. Развитие принципа материальной истины в советском гражданском процессуальном праве // 40 лет Советского государства и права и развитие правовой науки : материалы межвузовского научного совещания. Л. : ЛГУ, 1957.

Между тем электронные документы создаются посредством преобразования действительности в неосязаемую форму при помощи информационных технологий, сохраняя способность транслироваться, копироваться и отображаться на материальных носителях множество раз⁷. По мнению М.В. Горелова, электронные документы не относятся к письменным доказательствам, так как имеют специфические признаки в природе и структуре, свойствах носителя, процессе создания и закрепления информации, элементах и способах защиты информации от искажения⁸.

А.Т. Боннер отмечает, что современные средства информации, включая и электронные документы, существуют в машиночитаемой форме, а на бумажном носителе представляются суду, при этом мыслимы ситуации, когда для вынесения обоснованного решения необходимо исследование именно исходного документа, а не его бумажного носителя. Такая специфика не позволяет в полной мере приравнивать их к письменным или вещественным доказательствам, требует самостоятельного регулирования законом⁹. Особенностями электронных доказательств является независимость содержащейся в документе информации от исходного индивидуально определенного носителя, в том числе при утрате такового, возможность неограниченного распространения (копирования), особенности идентификации автора документа, способы изменения и уничтожения информации.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57¹⁰ разграничивается

электронный образ документа как заверенная электронной подписью и переведенная в электронную форму с помощью средств сканирования копия документа, изготовленного на бумажном носителе, и электронный документ как документ, подписанный электронной подписью и созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе. Более общее понятие содержится в пункте 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ¹¹, согласно которому под электронным документом понимается документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

В материальных правоотношениях следует выделить два наиболее распространенных юридических акта, которые совершаются в электронной форме.

Во-первых, это юридически значимые сообщения. Как отмечается в пункте 65 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25¹², юридически значимое сообщение может быть направлено в том числе посредством электронной почты, факсимильной и другой связи, осуществляться в иной форме, соответствующей характеру сообщения и отношений, информация о которых содержится в таком сообщении, когда можно достоверно установить, от кого исходило сообщение и кому оно адресовано. В частности, помимо ставшей привычной переписки по электронной почте, сообщений, размещенных на официальных сайтах организаций, признается правовое значение за обменом сообщениями в мессенджерах¹³.

⁷ Мошков Е.А. Понятие электронного документа и его применение в качестве доказательства в гражданском и арбитражном судопроизводстве Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 9. С. 30–34.

⁸ Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 21.

⁹ Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе : монография. СПб. : Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2009. 832 с.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Например, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 августа 2020 г. № Ф09-4427/20 по делу № А60-40159/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Во-вторых, в силу пункта 1 ст. 160 Гражданского кодекса Российской Федерации, письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. В том числе допускается использование при совершении сделок факсимильного воспроизведения подписи с помощью средств механического или иного копирования либо иного аналога собственноручной подписи (п. 2 ст. 160 ГК РФ). Последнее имеет широчайшее распространение в повседневной жизни людей, так как многие участники правоотношений применяют именно факсимильное подписание документов вместо использования электронной цифровой подписи. Поэтому и судам при разрешении споров приходится оценивать электронные документы или их образы, подписанные с помощью технических средств факсимильной, а не электронной подписью¹⁴.

Сказанное наглядно иллюстрирует актуальность проблематики статуса и последующей оценки информации в электронной форме, созданной без применения электронных подписей. Поэтому разграничение документов на собственно электронные документы и электронные образы документов не решают всех процессуальных сложностей, связанных с использованием электронных доказательств. В материальных и процессуальных правоотношениях огромное количество субъектов не используют никакие электронные подписи, что, строго говоря, исключает большую массу доказательств из множества электронных документов ввиду отсутствия такого квалифицирующего признака, как электронная подпись. Большую важность и ценность для разрешения судебных споров имеет признак предварительного документирования на бумажном носителе,

так как это прямо определяет особенности оценки доказательств. Документ, представленный суду в форме электронного образа, является классическим письменным доказательством, так как изначально создается на бумажном носителе, в форме, не требующей использования каких-либо программных средств для восприятия и оценки человеком. Электронный образ в такой ситуации является не чем-то специфичным, а представляется суду в качестве копии документа, пусть и созданной посредством сканирования. Иная ситуация с собственно электронными документами. Они создаются без использования бумажного носителя, поэтому в полной мере обладают всеми особенностями и спецификой, свойственной электронным доказательствам.

В этой связи в дальнейшем мы будем понимать под электронными доказательствами такие документы и информацию, которые изначально создаются в электронной форме, без предварительного документирования на бумаге.

Первый заслуживающий внимания аспект — установление лиц, непосредственно участвовавших в создании, изменении, хранении и передаче документа в электронной форме, а в более широком смысле — идентификация пользователей информационных систем¹⁵. Наименее проблемным видится использование электронной подписи, поскольку принадлежность таковой подтверждается сертификатом ключа проверки электронной подписи, выдаваемым удостоверяющими центрами. Ключ проверки признается действительным, пока не доказано иное¹⁶. Такая презумпция приводит к перераспределению бремени доказывания актуаль-

¹⁵ Брановицкий К.Л. Влияние информационных технологий на гражданское судопроизводство // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 24–27.

¹⁶ Статья 11 Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи» и статью 1 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18 января 2018 г. № 305-ЭС17-13822 по делу № А40-4350/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Например, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15 мая 2019 № Ф09-1718/19 по делу № А60-43893/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

ности подписи на момент совершения, но не исключает включения презюмируемого обстоятельства в предмет доказывания¹⁷. Помимо удостоверяющих центров перспективной для подтверждения ЭЦП видится деятельность доверенной стороны, фигура которой с 1 января 2021 г. введена в действующее законодательство (ст. 18.1 Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 476-ФЗ). Достоверность доказательств, подписанных электронной цифровой подписью, обеспечивается лицом, не являющимся ни участником спорного материального правоотношения, ни участником судопроизводства, а также отдельными элементами публичной достоверности¹⁸.

Иная ситуация складывается при оценке доказательств, не скрепленных электронной цифровой подписью. К числу таких ситуаций относится переписка посредством электронной почты, мессенджеров, размещение информации на интернет-сайтах, доступ к мобильным приложениям, аутентификация посредством пин-кодов, смс-сообщений. Внешней формой выражения доказательства выступают распечатки, скриншоты экранов компьютеров и смартфонов¹⁹. В таком случае в предмет доказывания входит принадлежность соответствующего информационного ресурса или аккаунта определенному лицу и, как следствие, роль и статус такого лица в спорном правоотношении. Получение или отправка сообщения с использованием адреса электронной почты, известного как почта самого лица или служебная почта его компетентного сотрудника, свидетельствует о совершении этих действий самим лицом, пока им не доказано обратное (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от

12 ноября 2013 г. № 18002/12). При установлении принадлежности адреса или аккаунта принимается во внимание, были ли тот или иной адрес известен стороне, совершалась ли переписка ранее, наличие взаимной переписки свидетельствует о конклюдентном согласовании сторонами именно такого способа коммуникации²⁰. При этом принадлежность адреса электронной почты иному лицу не исключает возможности его использования участником спорного правоотношения в своей деятельности²¹.

Второй аспект заключается в определении вида электронного доказательства — электронный образ или электронный документ. Поскольку электронный документ существует в машиночитаемой форме, непосредственное исследование исходной версии невозможно ввиду ее нахождения в информационной системе, недоступной суду, за исключением случаев предоставления суду доступа к тем или иным материалам, например, аккаунта электронной почты, облачного хранилища. Однако такое процессуальное действие не имеет специальной процессуальной регламентации. Возможным вариантом является применение к таким ситуациям норм об исследовании доказательств по месту их нахождения (облачное хранилище, интернет-сайт, смартфон и др.). Если же суду представлен электронный образ документа, суд, как и в отношении любого другого письменного доказательства, имеет возможность исследовать подлинник документа на бумажном носителе или принять во внимание иные представленные сторонами доказательства.

Третий аспект — особенности проверки допустимости и достоверности доказательства. Представляется необходимым принять во внимание опережающее развитие электронных технологий перед нормами законодательства, устанавливающими требования к форме документа, в связи с чем следует признать доказательственное значение электронных документов в некоторых ситуациях, когда

¹⁷ Решетникова И. В. Презумпции и фикции в арбитражном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 16–28.

¹⁸ П. 5, 6 части 1 статьи 13 Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи» и статью 1 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Пункт 55 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 марта 2015 г. по делу № А40-84594/14 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28 июня 2018 г. № Ф09-3051/18 по делу № А07-32643/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

закон требует соблюдения письменной формы. В настоящее время ведение электронной переписки расценивается судами как обычная практика делового оборота вне зависимости от ее предусмотренности соглашением сторон²². Суды констатируют видимость полномочий участника переписки из обстановки с отнесением риска отсутствия (превышения) представительских полномочий на лицо, создавшее соответствующую обстановку²³. Суды учитывают наступление тех правовых последствий, о которых велись переговоры²⁴. О достоверности электронного доказательства свидетельствует его происхождение от установленного и компетентного лица при отсутствии обоснованных сомнений в верности содержащейся информации. Вывод о до-

стоверности можно сделать на основе совокупности доказательств — оценка возможности использования электронного документооборота, установление лиц, участвовавших в составлении документа, их правового положения в спорном правоотношении, отсутствие каких-либо искажений представленной в электронном виде информации (например, признаков изменения содержания исходного файла или отдельных его реквизитов). При решении вопроса о фальсификации проверке подлежит исходная версия документа, а не его отображение на представленном суду материальном носителе, поскольку процессуальные правила представляют собой механизм проверки подлинности формы доказательства, а не его достоверности²⁵. Устоявшееся понятие фальсификации доказательства не вполне удачно для проверки заявления о фальсификации электронного доказательства, ввиду отсутствия самого документа, который может быть подвергнут подобному воздействию.

²² Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 30 апреля 2019 г. № Ф01-1682/2019 по делу № А43-3645/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 5 июня 2020 г. № Ф09-2217/20 по делу № А07-6225/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14 мая 2020 г. № Ф09-549/20 по делу № А71-20566/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2012 г. № 560-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе : монография / А.Т. Боннер. Санкт-Петербург : Юридическая книга, 2009. 832 с.
2. Брановицкий К.Л. Влияние информационных технологий на гражданское судопроизводство / К.Л. Брановицкий // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 24–27.
3. Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики : автореферат диссертации кандидата юридических наук / М.В. Горелов. Екатеринбург, 2005. 21 с.
4. Мошков Е.А. Понятие электронного документа и его применение в качестве доказательства в гражданском и арбитражном судопроизводстве Российской Федерации / Е.А. Мошков // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 9. С. 30–34.
5. Решетникова И.В. Презумпции и фикции в арбитражном процессе / И.В. Решетникова // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 16–28.
6. Романенкова С.В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран / С.В. Романенкова // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4. С. 26–31.
7. Советский гражданский процесс : учебник для вузов / А.Т. Боннер, М.А. Гурвич, С.В. Курылев [и др.] ; ответственный редактор М.С. Шакарян. Москва : Юридическая литература, 1985.
8. Чечот Д.М. Развитие принципа материальной истины в советском гражданском процессуальном праве / Д.М. Чечот // Сорок лет Советского государства и права и развитие правовой науки : тезисы докладов межвузовского научного совещания. Ленинград : ЛГУ, 1957. С. 64–66.
9. Ярков В.В. Электронное правосудие / В.В. Ярков // ЭЖ-Юрист. 2006. № 41.

Иванов Евгений Игоревич,
юрист
e1off008@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-5-36-40

Пределы производства по обжалованию судебных актов в цивилистическом процессе

В статье на основе изучения дореволюционного, советского и современного российского законодательства исследуются пределы апелляционного, кассационного и надзорного обжалования в гражданском, арбитражном и судебном административном процессах: пределы условий обжалования, включающие пределы субъекта и объекта обжалования, пределы оснований обжалования, образуемые пределами обжалования законности и обоснованности, пределы рассмотрения объекта обжалования, состоящие из пределов рассмотрения объекта обжалования по объему и содержанию, а также пределы процессуальных действий суда и других участников процесса. Выделяются правотворческое и правореализационное значение пределов производства по обжалованию актов суда. Указывается, что изучение гражданского, арбитражного и судебного административного процессов через призму указанных пределов, позволит лучше осмыслить судопроизводство по гражданским и административным делам.

Ключевые слова: обжалование судебных актов, проверка и пересмотр судебных актов, апелляция, кассация, надзор, пределы.

Введение. Вступление в силу Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ ознаменовало очередной этап в гармонизации норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ)², Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ)³, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ)⁴. Указанное позитивно-правовое преобразование не может не влиять на догму

процессуального права, в связи с чем актуализируется проблема комплексного изучения явлений, однородных для гражданского, арбитражного и судебного административного процессов. Одним из таких феноменов, в рамках производства по обжалованию судебных актов, предстает множество пределов апелляции, кассации и надзора, разработка целостного представления о которых составляет цель настоящего исследования.

Апелляции, кассации и надзору, предполагающим отмену судебных актов, имманентна проблема баланса принципа законности и правовой определенности⁵. Пределы производств по обжалованию актов правосудия признаются одним из средств установления

¹ Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2018. 4 декабря.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. 2002. 20 ноября.

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. 2015. 11 марта.

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. 2002. 27 июля.

⁵ См., напр.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // Российская газета. 2007. 14 февраля.

указанного равновесия и потому присущи механизму проверки и пересмотра судебных актов. При этом, поскольку обеспечение описываемого баланса необходимо на протяжении всего производственного цикла, соответствующие пределы существуют на каждой стадии процессуального цикла. Сообразно этому, возможно разделение пределов апелляции, кассации и надзора по стадиям процессуального цикла: пределы при возбуждении производства по проверке и пересмотру актов суда (стадия возбуждения процессуального цикла) и пределы после возбуждения производства по проверке и пересмотру актов суда (стадия подготовки к вынесению правоприменительного акта и стадия вынесения правоприменительного акта).

Пределы при возбуждении производства по обжалованию судебных актов. Основным юридическим фактом фактического состава возбуждения апелляционного, кассационного и надзорного процессуального цикла признается обращение к суду в форме жалобы⁶. Следовательно, необходимость установления пределов при возбуждении производства по обжалованию судебных актов возникает по отношению к указанному процессуальному действию. Реквизитами акта подачи жалобы признаются субъективные и объективные условия⁷, в соответствие с которым устанавливаются пределы условий обжалования.

Предел субъекта обжалования. Предел субъекта обжалования описывается кругом лиц, правомочных обратиться с жалобой на судебный акт в вышестоящий орган правосудия. Если предъявить иск вправе любое заинтересованное лицо⁸, то обратиться с жалобой правомочны лица, участвующие в деле, а также лица, которые не привлечены к участию в деле, но правовой статус которых затронут обжалуемым судебным актом, участники приказного произ-

водства⁹. Следовательно, неограниченное множество субъектов обращения в суд первой инстанции при апелляционном, кассационном и надзорном обжаловании ограничивается участниками процесса, что характерно и для дореволюционного (ст. 743 Устава гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. (далее — УГС))¹⁰ и советского (ст. 235 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 г. (далее — ГПК РСФСР 1923 г.)¹¹, ст. 282 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г. (далее — ГПК РСФСР 1964 г.)¹²) правосудия. Это присуще и положениям Арбитражных процессуальных кодексов Российской Федерации 1992 г., 1995 г. (далее соответственно — АПК РФ 1992 г., АПК РФ 1995 г.)¹³. При этом возможно усиление указанного предела посредством установления запрета подачи жалобы субъектом, в пользу которого вынесен обжалуемый судебный акт¹⁴.

Предел объекта обжалования. Множество пределов объекта обжалования включает: ценовой предел, выражающийся в установлении минимальной цены требования по юридическому делу, при которой судебный акт может быть проверен и пересмотрен¹⁵, темпоральный предел, заключающийся в нормативном закреплении срока подачи жалобы, истечение которого исключает

⁹ Ч. 2, 3 ст. 320; ст. 376; ст. 390.2; ч. 1, 3 ст. 391.1 ГПК РФ; ч. 2 ст. 295; ч. 1, 6 ст. 318; ч. 1, 3 ст. 332 КАС РФ; ч. 1 ст. 257; ч. 1, 2 ст. 273; ч. 1, 5 ст. 291.1; ч. 1, 2 ст. 308.1 АПК РФ.

¹⁰ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Издание Государственной канцелярии. Часть первая. СПб., 1866. 690 с.

¹¹ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 10 июля 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478.

¹² Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

¹³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2447-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 16. Ст. 836; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 5 мая 1995 г. № 70-ФЗ // Российская газета. 1995. 16 мая.

¹⁴ Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1914. С. 369.

¹⁵ Ст. 162 УГС.

⁶ Ярков В.В. Юридические факты в гражданском процессе. М.: ИнфотропикМедиа, 2012. С. 100, 101, 143.

⁷ Ярков В.В. Указ. соч. С. 390–392, 420.

⁸ Ч. 1 ст. 3 ГПК РФ; ч. 1 ст. 4 КАС РФ; ч. 1 ст. 4 АПК РФ.

возможность проверки и пересмотра акта правосудия¹⁶, а также предел объема обжалования по категории юридического дела, предполагающий отнесение к объектам обжалования судебных актов по отдельным видам правовых ситуаций, нуждающихся в судебном раз-решении¹⁷.

Пределы после возбуждения про-изводства по обжалованию судебных актов. Систему пределов производства по обжалованию судебных актов после возбуждения апелляционного, кассаци-онного и надзорного процессуальных циклов образуют: пределы рассмотре-ния объекта обжалования, пределы оснований обжалования и пределы про-цессуальных действий.

Пределы рассмотрения объекта обжалования. Множество пределов рассмотрения объекта обжалования состоит из пределов рассмотрения объ-екта обжалования по объему и пределов рассмотрения объекта обжалования по содержанию. Усиление или ослабление строгости данных пределов указыва-ет, соответственно, на преобладание публичного или частного интересов в механизме обжалования судебных актов¹⁸.

Первая группа пределов заключа-ется в массиве правоприменительного материала, подлежащего проверке: обжалуемая часть¹⁹, полный объем²⁰ и смешанный подход²¹.

Вторая группа пределов включает в себя аргументы, обосновывающие неправильность объекта обжалования:

вне зависимости от доводов жалобы²², а также подход, предполагающий дово-ды жалобы и вне зависимости от дово-дов жалобы²³.

Эффективность и принятие соответ-ствующей аргументации вышестоящим судом зависит от ее согласованности с пределами оснований обжалования, которые определяются основаниями отмены объекта апелляции проверки, кассационного и надзорного пересмотра.

Пределы оснований обжалования. Система пределов оснований обжа-лования образуется пределами обжалования законности и пределами обжалования обоснованности.

В рамках первой группы пределов выделяются нарушения по степени су-щественности: обычные, существенные, фундаментальные правовые нарушения и юридические дефекты, влекущие безусловную отмену обжалуемого акта, а также по юридической природе: ма-териально-правовые и процессуально-правовые нарушения.

Что касается второй группы, то воз-можно определить обоснованность, ох-ватывающую корректность определения предмета доказывания, подтверждение фактов правильными доказательствами и соответствием выводов органа право-судия установленным обстоятельствам.

Наличие элементов каждого вида в описываемых пределах позволяет за-ключить о полной законности, полной обоснованности, в оппозиции которым находятся частичная законность и ча-стичная обоснованность, предполагаю-щие изъятия.

Предел оснований кассационного обжалования на дореволюционном этапе развития гражданского судопро-изводства составляет законность в виде обычных дефектов применения норм

¹⁶ Ст. 748 УГС; ст. 245 ГПК РСФСР 1923 г.; ст. 284 ГПК РСФСР 1964 г.; ст. 122 АПК РФ 1992 г.; ст. 147, 166 АПК РФ 1995 г.; ч. 2 ст. 321; ч. 1 ст. 376.1; ч. 1 ст. 390.3; ч. 2 ст. 391.2 ГПК РФ; ст. 298; ч. 2 ст. 318; ч. 2 ст. 333 КАС РФ; ч. 1 ст. 259; ч. 1 ст. 276; ч. 1 ст. 291.2; ч. 4 ст. 308.1 АПК РФ.

¹⁷ П. 1 ч. 2 ст. 390.4 ГПК РФ; п. 3 ч. 2 ст. 319 КАС РФ; ч. 3 ст. 291.1 АПК РФ.

¹⁸ Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 690 с.

¹⁹ Ст. 773 УГС, ч. 2 ст. 379.6, ч. 2 ст. 390.13, ч. 2 ст. 391.12 ГПК РФ; ч. 2 ст. 329, ч. 2 ст. 342 КАС РФ; ч. 2 ст. 291.14, ч. 2 ст. 308.11 АПК РФ.

²⁰ Ст. 294, 327 ГПК РСФСР 1964 г., ст. 127, 139 АПК РФ 1992 г., ч. 2 ст. 155 АПК РФ 1995 г.

²¹ Ч. 2 ст. 327.1 ГПК РФ; ч. 5 ст. 268 АПК РФ.

²² Ст. 245 ГПК РСФСР 1923 г., ст. 294 ГПК РСФСР 1964 г., ст. 127 АПК РФ 1992 г., ст. 327 ГПК РСФСР 1964 г., ст. 139 АПК РФ 1992 г., ч. 2 ст. 155 АПК РФ 1995 г., ч. 1 ст. 308 КАС РФ.

²³ Ч. 1 ст. 327.1 ГПК РФ, ч. 6 ст. 268 АПК РФ, ч. 1, 2 ст. 379.6, ч. 1, 2 ст. 390.13, ч. 2 ст. 391.12 ГПК РФ; ч. 2 ст. 329, ч. 2 ст. 342 КАС РФ; ч. 6 ст. 268, ч. 1, 2 ст. 286, ч. 2 ст. 291.14, ч. 2 ст. 308.11 АПК РФ.

материального права, существенных процессуальных нарушений²⁴.

В советское время кассационное производство по ГПК РСФСР 1923 г. предполагало пределы оснований обжалования в виде законности и частичной обоснованности, а в соответствии с положениями ГПК РСФСР 1964 г. — законность и полную обоснованность²⁵. Что касается надзорного производства по ГПК РСФСР 1964 г., то соответствующими нормами предусматривался предел оснований обжалования в виде законности, выражающейся в существенных правовых нарушениях и полной обоснованности²⁶.

Предписаниями АПК РФ 1992 г., регламентирующими порядок кассационного производства, предусматривались пределы оснований обжалования в виде полной обоснованности, обычной материальной и существенной процессуальной законности, для надзорного пересмотра устанавливались пределы в виде полной обоснованности и полной законности²⁷.

Применительно к АПК РФ 1995 г. апелляционное производство предполагало предел оснований обжалования в виде полной обоснованности и законности, кассация — законности, а пересмотр судебных актов в порядке надзора — обоснованность и законность²⁸.

В современном цивилистическом процессе для апелляционного производства предусматриваются пределы оснований обжалования в виде полной законности и полной обоснованности, которые в рамках первой кассации становятся более строгими, воплощаются в виде законности и частичной обоснованности, переходя ко второму кассационному пересмотру в существенную законность, а в надзорном обжаловании выступают в виде фундаментальных правовых нарушений²⁹.

Пределы процессуальных действий.

Совокупность пределов процессуальных действий включает: пределы процессуальных действий суда и пределы процессуальных действий других участников процесса.

Первая группа пределов в рамках апелляционного производства предполагает запрет замены ненадлежащего ответчика надлежащим, привлечения к участию в юридическом деле третьих лиц³⁰. Дополнительно в рамках кассационного и надзорного производства не ведется протокол, не принимаются дополнительные доказательства, а также установлен запрет участия вышестоящего суда в процедуре доказывания в виде установления фактов, предрешения вопросов достоверности доказательств или преимущества одного доказательства перед другими³¹.

Вторая группа пределов предусматривает запрет соединения и разъединения правовых требований, изменения основания, предмета или размера юридического притязания, предъявления встречного иска, заявления новых требований, инициирования замены ненадлежащего ответчика надлежащим, а также, по общему правилу, представления дополнительных доказательств³².

Принцип усиления строгости пределов производства по обжалованию судебных актов. По мере реализации апелляционного, кассационного и надзорного циклов в гражданском, арбитражном и судебном административном процессах пределы одного вида становятся более строгими, в связи с чем в рамках механизма проверки и пересмотра актов правосудия представляется возможным выделить принцип усиления строгости пределов производства по обжалованию судебных актов.

²⁴ Ст. 793 УГС.

²⁵ Ст. 237 ГПК РСФСР 1923 г., ст. 306–308 ГПК РСФСР 1964 г.

²⁶ Ст. 330 ГПК РСФСР 1964 г.

²⁷ Ст. 128, 140 АПК РФ 1992 г.

²⁸ Ст. 158, 176, 188 АПК РФ 1995 г.

²⁹ Ст. 330, 379.7, 390.14, 391.9 ГПК РФ; ст. 310, ст. 328, 341 КАС РФ; ст. 270, 288, ч. 1 ст. 291.11, ст. 308.8 АПК РФ.

³⁰ Ч. 6 ст. 327 ГПК РФ; ч. 9 ст. 307 КАС РФ; ч. 3 ст. 266 АПК РФ.

³¹ Ч. 2 ст. 379.5, ч. 3 ст. 390, ч. 2 ст. 390.15, ч. 2 ст. 391.12 ГПК РФ; ч. 3 ст. 329, ч. 3 ст. 342 КАС РФ; ч. 2 ст. 287, ч. 3 ст. 291.14, ч. 3 ст. 308.11 АПК РФ.

³² Ст. 747 УГС, ч. 6 ст. 327, ч. 4 ст. 327.1, ч. 2 ст. 335.1, ч. 3 ст. 390, ч. 2 ст. 390.15 ГПК РФ; ч. 9 ст. 307, ч. 2, 3 ст. 308 КАС РФ; ч. 3 ст. 257, ч. 3 ст. 266, ч. 2, 7 ст. 268, ч. 2 ст. 272.1 АПК РФ.

Поскольку апелляция, кассация и надзор представляют собой межотраслевые институты процессуального права, а указанный принцип характерен как для ординарного, так и экстраординарного обжалования актов правосудия, то усиление строгости пределов производства по обжалованию судебных актов одновременно признается межинституциональным межотраслевым принципом.

Заключение. Система пределов апелляционного, кассационного и надзорного производства в цивилистическом процессе, таким образом, состоит, во-первых, из пределов при возбуждении производства по обжалованию судебных актов (пределы, относящиеся к субъекту обжалования, и пределы, касающиеся объекта обжалования), во-вторых, пределов после возбуждения производства по обжалованию судебных актов, множество которых образуется пределами рассмотрения объекта обжалования (по объему и по содержанию), пределов оснований обжалования (законность и обоснованность), а также пределов процессуальных действий (суда и других участников процесса).

Изложенная систематика имеет как правотворческое, так и правоприменительное значение: с одной стороны, комбинирование законодателем различных пределов позволяет, по-разному определять баланс правовой определенности и законности при обжаловании судебных актов, обеспечивать оптимальное правовое регулирование, с другой стороны, упорядочение норм о пределах в рамках апелляции, кассации и надзора упрощает восприятие нормативного материала правоприменителем.

Дальнейшее изучение указанной проблематики, думается, создаст возможность организовать описываемое множество в юридическую конструкцию.

В цивилистическом процессе существуют, помимо пределов производства по обжалованию судебных актов, иные пределы, в частности, предел доказывания интегрирован в судопроизводство для определения границ исследуемого, пределы законной силы судебного акта позволяют корректно интегрировать акт правосудия в механизм правового регулирования, предел разумного присуждения судебных расходов устанавливается в целях предотвращения злоупотреблений и чрезмерных финансовых затрат участников процесса³³, принятие судебного решения в пределах заявленного требования позволяет обеспечить баланс публичного и частного интересов в реализации судебной власти³⁴. Комплексное осмысление производства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах через призму обозначенных и других лимитов есть задача будущих юридических исследований, решение которой, возможно, позволит по-новому взглянуть на правосудие по гражданским и административным делам.

³³ Расходы на оплату услуг представителя присуждаются в разумных пределах (ч. 1 ст. 100 ГПК РФ; ст. 112 КАС РФ; ч. 2 ст. 110 АПК РФ). Компенсация за фактическую потерю времени в гражданском процессе присуждается в разумных пределах (ст. 99 ГПК РФ).

³⁴ По общему правилу, решение принимается судом по заявленным требованиям (ч. 3 ст. 196 ГПК РФ; ч. 1 ст. 178 КАС РФ).

Литература

1. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский. Москва : Изд. Бр. Башмаковых, 1914. 572 с.
2. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса / Т.В. Сахнова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2014. 784 с.
3. Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе / В.В. Ярков. Москва : ИнфотропикМедиа, 2012. 608 с.

Шестало

Сергей Станиславович,

помощник судьи Судебной коллегии по рассмотрению дел, возникших из административных и иных публичных правоотношений, Арбитражного суда Самарской области, советник юстиции 3-го класса
schestalofyandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-5-41-45

Элементы добросовестности и ответственности гражданина в деле о несостоятельности (банкротстве) и процессуальный риск кредитора

В статье изучается вопрос добросовестности физических лиц при рассмотрении дела о несостоятельности (банкротстве), анализируются действия гражданина, не указавшего в заявлении всех конкурсных кредиторов, имеющих к нему права требования, и дается их оценка, а также освещен вопрос процессуального риска самого кредитора; рассмотрены соответствующие правовые последствия такого бездействия, а также охарактеризована возможность освобождения должника от дальнейшего исполнения обязательств с учетом актуальных примеров судебной практики и позиций Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: банкротство, гражданин, физическое лицо, добросовестность, конкурсные кредиторы, ответственность, имущество.

Введение в 2015 году законодательной новеллы о банкротстве граждан существенно образом расширило возможности для лиц, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, с целью облегчить финансовый гнет со стороны кредиторов. Так, по смыслу норм ст. 126, 129 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) основной целью конкурсного производства является справедливое соразмерное удовлетворение требований кредиторов должника с *максимальным экономическим эффектом*.

Институт банкротства граждан предусматривает иной, экстраординарный механизм освобождения лиц, попавших в тяжелое финансовое положение, от погашения требований кредиторов путем списания долгов. В подтверждение этого основной задачей института потребительского банкротства является **социальная реабилитация гражданина**, то есть предоставление ему возможности заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости отвечать по старым, неисполнимым обязательствам при максимально возможном соблюдении прав конкурсных кредиторов.

Вследствие этого к гражданину-должнику законодателем предъявляются повышенные требования в части добросовестности, подразумевающие помимо прочего *честное сотрудничество* с финансовым управляющим и кредиторами, *открытое взаимодействие с судом*¹.

Однако, как наглядно иллюстрирует судебная практика, правила банкротства граждан не всегда используются для достижения благих намерений. В ряде случаев под видом неплатежеспособности и придаваемых ему таковых внешних признаков реальным обращением в арбитражный суд с заявлением о собственном банкротстве гражданин **преследует цель поиска альтернативы для сокрытия имущества** от добросовестных кредиторов и манипулирует законными способами такого механизма вопреки их прямому назначению.

Одним из множества таких крайних камней является нарушение гражданином вопреки требованиям ч. 3 ст. 213.4 Закона о банкротстве обязанности по указанию **списка всех конкурсных**

¹ Подробнее об этом см.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 310-ЭС17-14013 по делу № А48-7405/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

кредиторов, перед которым у должника имеются неисполненные обязательства.

Как верно отмечают авторы Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Е.Г. Афанасьева, представляется, что за счет введения подобных требований к должнику о предоставлении информации *снижается возможность неучета* в процессе осуществления процедуры банкротства *интересов кого-либо из кредиторов, сокрытия должником определенной доли своего имущества, финансовых средств*². Однако едва ли указанные императивные требования будут представлять нормативную обязанность для лица, использующего законодательно установленный механизм процедуры банкротства именно для наступления таких последствий.

Цели таких манипуляций, представляется, самые различные: указание «мнимых» кредиторов со значительной суммой требований для установления первенства в конкурсной массе; сокрытие имущества от реальных кредиторов, претендующих на него; полное и вопреки закону необоснованное уклонение от погашения минимально возможной части долга; искусственное занижение общей суммы требований всех кредиторов для минимизации обращения взыскания на конкурсную массу; обход в установленном порядке процедуры извещения залогового кредитора, чье право требования превагирует над другими, и т.д.

Как правило, гражданин, обращаясь в арбитражный суд с заявлением о признании несостоятельным (банкротом) в силу ч. 8 ст. 213.6 Закона о банкротстве, **заявляет ходатайство о применении процедуры реализации имущества**. Такие дела рассматриваются судами в относительно короткий срок (не более 2–3 месяцев), поскольку презюмируется, что гражданин действует честно и добросовестно (ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)).

Правовые последствия такого бездействия гражданина на этапе подачи заявления о признании несостоятельным (банкротом) могут быть различны.

О наглядности изложенной ситуации явствует, когда по истечении нескольких месяцев после завершения процедуры банкротства гражданина кредиторю, например банку, ранее не указанному в заявлении должника, *поступает уведомление об освобождении гражданина от дальнейшего исполнения обязательств* и невозможности последующего предъявления к нему каких-либо требований.

Благоприятно складывающаяся для недобросовестного должника в таком случае ситуация проявляется в том, что после завершения расчетов с кредиторами гражданин, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов, **в том числе требований кредиторов, не заявленных при введении реализации имущества гражданина (п. 3 ст. 213.28 Закона о банкротстве)**.

Соответственно, завершение реализации имущества гражданина **влечет за собой невозможность** совершения судом в дальнейшем каких-либо процессуальных действий по рассмотрению всех разногласий, заявлений, ходатайств и жалоб, поданных в рамках данного дела, что свидетельствует об отсутствии у потенциальных кредиторов права на подачу каких-либо заявлений к этому должнику, а также делает нереализуемым не участвовавшему в деле о несостоятельности (банкротстве) кредитору его полномочий на взыскание долга хотя бы в минимальном размере.

Как правило, обратный механизм в виде отмены определения суда о завершении процедуры реализации имущества гражданина в подобных случаях является в судебной практике *скорее исключением, нежели правилом*. При этом участие таких лиц в деле о банкротстве **является их правом, а не обязанностью**.

К спорному моменту можно отнести порок действий кредитора, не проявившего должную степень осмотрительности при отслеживании финансовой судьбы должника. Сведения о признании гражданина банкротом и введении реализации имущества гражданина в силу ч. 1–2 ст. 213.7 Закона о банкротстве подлежат обязательному опубликованию в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (далее — ЕФРСБ). Такие кредиторы **считаются извещенными** об опубликова-

² Предпринимательское право: современный взгляд : монография / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Е.Г. Афанасьева [и др.] ; отв. ред. С.А. Карелина, П.Г. Лахно, И.С. Шиткина. М. : Юстицинформ, 2019. 600 с.

нии сведений по истечении пяти рабочих дней со дня их опубликования.

Полагаем, что с учетом такой формулировки закона требование, установленное абз. 4 ч. 3 ст. 213.4 Закона о банкротстве, предусматривающее при обращении в суд гражданина с заявлением о признании несостоятельным (банкротом) обязательное указание всех кредиторов, попросту теряет всякий смысл. Из изложенного не усматривается надобности указывать в заявлении всех кредиторов, учитывая их обязанность по самостоятельному мониторингу финансового состояния должников.

Исходя из наличествующей судебной практики следует, что судами принимается во внимание лишь то обстоятельство, что процедура банкротства является публичной³, сведения о введении процедуры банкротства публикуются в издании «Коммерсантъ» (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 июля 2008 г. № 1049-р), в ЕФРСБ; судебные акты арбитражного суда по делам о банкротстве публикуются на федеральном ресурсе информационной системы «Картотека арбитражных дел» в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в связи с чем относят риск⁴ такого неудовлетворительного процессуального поведения на соответствующего кредитора.

При этом арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, в силу объективных причин лишен возможности проверить достоверность списка конкурсных кредиторов, указанных должником, и вынужден полагаться лишь на честное слово самого гражданина.

В равной степени не принимаются во внимание доводы таких кредиторов относительно отсутствия уведомления со стороны финансового управляющего о введении в отношении должника процедуры реализации имущества, поскольку не свидетельствуют о наличии у кредитора объективной невозможности своевременной реализации им права на

обращение в суд. В одном из постановлений арбитражного суда округа по делу № А49-11103/2016 отмечено, что заявитель (на примере данного дела — банк) является одной из крупнейших кредитных организаций, обслуживающей счета физических и юридических лиц, обладающей достаточным штатом работников и информационными ресурсами для сопровождения совершенных им сделок по кредитованию, в том числе отслеживания публикаций. Как кредитор такая **организация обязана самостоятельно отслеживать деятельность своих контрагентов с помощью общедоступных сайтов и предъявлять им требования**, тем более в ситуации длительного неисполнения контрагентом обязательств⁵.

Аналогичных выводов придерживаются окружные суды⁶ в отношении специализированных организаций, занимающихся взысканием кредитных задолженностей (коллекторских агентств), поскольку деятельность этих организаций обеспечивается исключительно вопросами взаимодействия и контроля над должником и получения с него денежных средств в счет погашения долга. Кроме того, исходя из позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 18 августа 2016 г. по делу № 301-ЭС16-4180, заявитель с момента осведомления о введении процедуры банкротства в отношении должника *должен был предпринять своевременные меры о заявлении своих требований в реестр требований кредиторов должника*.

Соответственно при решении вопроса о восстановлении кредитору срока на апелляционное обжалование определения арбитражного суда о завершении процедуры банкротства гражданина не будет иметь значение масштаб деятельности такого кредитора (от крупнейшего банка до общества с уставным капиталом в 10 000 рублей и имеющего минимально необходимый штат сотрудников⁷).

³ Об этом см., напр.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 8 июня 2018 г. № Ф09-2704/18 по делу № А47-7621/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О процессуальном риске см. статью 9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

⁵ Об этом см.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14 декабря 2018 г. № Ф06-40969/2018 по делу № А49-11103/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 8 июня 2018 г. № Ф09-2704/18 по делу № А47-7621/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Примечание автора.

Не могут в данном случае подвергаться критике действия финансового управляющего, поскольку на последнего в силу п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве возложена обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах должника и кредиторов. Однако если значимые для дела обстоятельства должник скрыл, в том числе от финансового управляющего, спектр полномочий которого является не безграничным, последствия таких умышленных действий несет сам гражданин, препятствующий реализации подлинных целей банкротства⁸ при условии выполнения финансовым управляющим всех мероприятий⁹, направленных на выявление имущества должника и формирование конкурсной массы, оспаривания подозрительных сделок и т.д.

С указанной позицией соглашается автор О.Е. Ганюшин, справедливо указав¹⁰, что с учетом нормы, сформулированной в п. 9 ст. 213.9 Закона о банкротстве, финансовый управляющий зачастую не имеет ресурсов для проведения полноценного финансового расследования с целью выявления всех активов и сделок должника. При этом отметим, что если сокрытое должником имущество в физическом смысле рано или поздно может быть обнаружено финансовым управляющим, то *контроль за сведениями о каких-либо кредиторах*, имеющих права требования и не заявленных гражданином в ходе процедуры банкротства, *находится в исключительном ведении самого должника-банкрота*. Если ни в каких документах, представленных для анализа финансовому управляющему, информация об иных кредиторах не содержится либо иным образом такие кредиторы не обозначены, сведения о них могут стать известны управляющему лишь случайно от самого кредитора либо от третьих лиц,

а также в результате судебного истребования.

Между тем ответственность же финансового управляющего проявляется лишь в сознательном (умышленном) индивидуальном поведении¹¹; представлении недостоверной информации относительно реализации всех мероприятий, предусмотренных законодательством о банкротстве, сокрытия недобросовестного поведения должника при проведении процедуры банкротства, являющегося основанием для неосвобождения должника от исполнения обязательств, и т.д. Сказанное означает, что финансовый управляющий не может нести ответственность за подобные действия должника, а также в отношении тех сведений, информация о которых ему не известна либо вовсе не доступна, в том числе когда судом отказано в удовлетворении ходатайства об истребовании доказательств.

К числу признаков недобросовестности, исключающих возможность использования особого порядка освобождения от погашения задолженности, абз. 3 п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве относит **непредставление гражданином необходимых сведений** (представление заведомо недостоверных сведений) финансовому управляющему или арбитражному суду, рассматривающему дело о банкротстве.

Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 25 января 2018 г. № 310-ЭС17-14013 по делу № А48-7405/2015 указал, что неисполнение данной обязанности *не позволяет оказать гражданину действенную и эффективную помощь в выходе из кризисной ситуации*, создает препятствия для максимально полного удовлетворения требований кредиторов, свидетельствует о намерении получить не вытекающую из закона выгоду за счет освобождения от обязательств перед лицами, имеющими к нему требования.

⁸ Об этом см. п. 17 Постановления от 13 октября 2015 г. № 45, в котором указано на ответственность и последствия недобросовестных действий гражданина-банкрота.

⁹ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 сентября 2019 г. № 305-ЭС19-15153 по делу № А40-110187/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Ганюшин О.Е. Банкротство гражданина: ограничение освобождения от долгов (анализ удач и ошибок судебной практики за 2015–2017 годы) // Арбитражные споры. 2018. № 3. С. 71–81.

¹¹ В качестве результата недобросовестности финансового управляющего может последовать его отстранение от участия в деле о банкротстве. Кроме того, допущенные им нарушения и впоследствии установленные соответствующим судебным актом являются основанием для составления в отношении арбитражного управляющего протокола об административном правонарушении в соответствии со ст. 14.13 КоАП РФ.

Подобное поведение неприемлемо для целей получения привилегий посредством банкротства. На такой подход ориентирует п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан», со ссылкой на ст. 10 ГК РФ¹².

В свете изложенного с очевидностью следует намерение должника, минуя законные способы освобождения от исполнения обязательств, приумножить или сберечь подлежащее по закону реализации имущество (уклониться от надлежащего исполнения обязательств). Коллега М.С. Гущина из Арбитражного суда Мурманской области справедливо отметила¹³, что оценочный характер понятия «добросовестность» дает судам основание различным образом разрешать споры в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

С позиции настоящего исследования интересно Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 3 декабря 2019 г. № Ф01-5859/2019 по делу № А17-5480/2018¹⁴, которым правило об освобождении должника от обязанности по исполнению требований кредитора не

применено, поскольку должник не сообщил суду и финансовому управляющему о наличии у него данного кредитора, а потому по вине должника финансовый управляющий не уведомил этого кредитора о введении в отношении должника процедуры банкротства.

Резюмируя изложенное, с учетом приведенных примеров судебной практики «отказных» ходатайств о восстановлении пропущенных сроков на обращение с требованием кредитора, а также исходя из смысла и содержания механизма процедуры банкротства и возможности освобождения от дальнейшего исполнения обязательств, полагаем необходимым расширить сферу применения судами дискреционного полномочия, изложенного в абз. 3 п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве, в том числе в отношении ситуаций, когда дело о несостоятельности (банкротстве) гражданина фактически рассматривается (было рассмотрено) без участия реально существующего кредитора, заведомо не указанного должником при обращении в арбитражный суд.

Оперативное реагирование судом, рассматривающим дело, на подобную информацию и формирование соответствующей судебной практики будет являться предпосылкой для воспрепятствования использования привилегированного механизма банкротства граждан в противоправных целях.

Подобный подход будет способствовать ориентации граждан на добросовестное поведение, как того требует любая отрасль российского права, и порядочное отношение к исполнению своих обязанностей, возложенных на них Законом о банкротстве, а также на недопущение нарушения прав конкурсных кредиторов.

¹² Подробнее об этом см.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 марта 2015 г. // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Гущина М.С. Добросовестность поведения должника в делах о несостоятельности (банкротстве) физических лиц // Судья. 2016. № 7. С. 50–53.

¹⁴ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 3 декабря 2019 г. № Ф01-5859/2019 по делу № А17-5480/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Ганюшин О.Е. Банкротство гражданина: ограничение освобождения от долгов (анализ удач и ошибок судебной практики за 2015–2017 годы) / О.Е. Ганюшин // Арбитражные споры. 2018. № 3. С. 71–81.
2. Гущина М.С. Добросовестность поведения должника в делах о несостоятельности (банкротстве) физических лиц / М.С. Гущина // Судья. 2016. № 7. С. 50–53.
3. Предпринимательское право: современный взгляд : монография / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Е.Г. Афанасьева [и др.] ; ответственный редактор С.А. Карелина, П.Г. Лахно, И.С. Шиткина. Москва : Юстицинформ, 2019. 600 с.

Ершов
Олег Геннадьевич,
доцент Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ),
кандидат юридических наук
Ershov_O@rambler.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-5-46-51

О процессуальной защите независимого кредитора в банкротстве аффилированного должника

В статье автором поднимается проблема недостаточной процессуальной защиты независимого кредитора при банкротстве аффилированного должника. Раскрывая несовершенство норм законодательства о банкротстве на основе сформированных судами правовых позиций, автор приходит к выводу о необходимости реформирования правовых норм, усилению роли суда при рассмотрении требований кредиторов, исследовании аффилированности отношений между кредиторами и должником и их влиянии на возможности процессуальной защиты независимых кредиторов.

Ключевые слова: банкротство, аффилированность, защита кредитора.

Развитие отношений экономическое оборота, в котором участники аффилированы между собой, предопределяет необходимость постановки, полагаем, актуального вопроса о защите независимых кредиторов на случай контролируемого со стороны аффилированных лиц банкротства должника. Особенно этот вопрос приобретает актуальность, когда на банкротство выходят строительные компании, через которые аффилированные им лица выводят в офшоры денежные средства, формируя в последующем у суда «иллюзию» объективных хозяйственных связей и предпринимательского риска должника, с которым он не справился.

В этом случае страдают в том числе независимые кредиторы, которые по договорам субподряда с должником проводили строительные работы, но не получили полной оплаты, поскольку по условиям таких договоров должник производил гарантийные удержания в обеспечении гарантийных обязательств после прекращения договорных отношений. Когда наступает срок возврата гарантийных удержаний, должник выходит на банкротство. При этом банкротство происходит в упрощенном порядке без процедуры наблюдения с выходом сразу в конкурсное производство, поскольку учредители должника, являясь аффилированными лицами, приняли решение о ликвидации (§ 1 главы XI Федерального

закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве)).

Ситуация усугубляется еще тем, что аффилированные лица полностью контролируют банкротство своего должника. Начиная от подачи заявления о признании должника банкротом на основании вступившего ранее в законную силу решения суда в пользу аффилированного лица, заканчивая выбором кандидатуры «лояльного» конкурсного управляющего, проведением торгов, выкупом этими же аффилированными лицами дебиторской задолженности у должника с последующим предъявлением исков независимым кредиторам, осмелившимся противостоять несправедливому банкротству.

При этом суды легитимируют требования аффилированных лиц, в том числе учредителей должника, о включении в реестр кредиторов, не понижая в очередности. Конкурсный управляющий в случае невозможности удовлетворить требования кредиторов за счет имущества должника не обращается с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности, не подает иски о признании недействительными сделок должника с аффилированными лицами, совершенными в подозрительный период. Конкурсный управляющий создает «иллюзию» активности при формировании конкурсной массы должника, только эта активность

опять направлена против независимых кредиторов.

Практика применения норм законодательства о банкротстве с участием аффилированных лиц такова, что получившие изначально нормативное закрепление идеи о защите арбитражным управляющим интересов не только должника, но и кредиторов, установления баланса интересов всех участников судебного банкротства, максимального наполнения конкурсной массы и другие, практически не реализуются вовсе или реализуются недостаточно. Следствием этого можно наблюдать слабую правовую защищенность интересов независимых кредиторов, что предопределяет необходимость дальнейшего совершенствования законодательства.

В этом плане следует поддержать анонсируемые Минэкономразвития РФ разрабатываемые поправки в законодательство о банкротстве, связанные с изменением самой системы банкротства¹.

Вместе с тем применительно к вопросу эффективной защиты прав независимого кредитора при банкротстве аффилированного должника положения предлагаемого проекта закона, полагаем, нуждаются в доработке. Например, лишение права голоса аффилированного к должнику кредитора на общем собрании кредиторов вызывает сомнения. Учитывая, что аффилированность подпадает под понятие «заинтересованные лица», тогда на собрании будут лишаться права голоса абсолютно все заинтересованные лица, даже если они не имели отношение к банкротству должника. Есть и другие спорные положения, которые касаются субординации требований контролирующего должника аффилированных лиц и другие.

Нельзя не отметить, что выработанные на практике правовые позиции судов, в том числе Верховного Суда Российской Федерации, по вопросу аффилированности при банкротстве изменились от полного отказа в удовлетворении требо-

ваний аффилированных по отношению к должнику кредиторов² в сторону допущения таких кредиторов в банкротный процесс, но с понижением требований по очередности³.

В то же время Верховный Суд Российской Федерации также занял позицию, согласно которой установление аффилированности требует более высоких стандартов доказывания реальности хозяйственных отношений, но не лишает права аффилированного кредитора доказывать их объективность и свою независимость по отношению к должнику⁴.

При таком подходе, совершенно очевидно, что баланс интересов всех участников банкротного процесса, включая аффилированных к должнику и независимых кредиторов должен достигаться через **сопоставительность в процессе**, а не введением дополнительных механизмов защиты независимых кредиторов посредством законодательных закреплений о защите их как «слабой стороны». Но вряд ли подлежит сомнению утверждение о том, что возможности для сопоставительности участия независимых кредиторов и аффилированных к должнику кредиторов совершенно разные. При этом необходимо понимать, что доказательственная база формируется аффилированным кредитором задолго до введения процедуры банкротства должника, риски просчитываются на момент реализации проекта. Борьба с этим на момент введения процедуры банкротства в условиях сопоставительности, но ограниченного лимита времени в рамках обособленных споров

² См., напр.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 мая 2018 г. № 309-ЭС18-4472 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См., напр.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19 октября 2020 г. № 307-ЭС19-1671 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31 августа 2020 г. № 309-ЭС20-6158 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См., напр.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2019 г. № 309-ЭС18-22030 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2021 г. № 307-ЭС20-21528 // СПС «КонсультантПлюс».

¹ См.: Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ID проекта № 02/04/03-20/00100272). URL: www.regulation.gov.ru

с представлением доказательств в обоснование своей позиции независимому кредитору практически нереально.

Определенные надежды независимым кредиторам можно связывать с правовыми позициями, закрепленными в «Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2020). Но вопросы процессуальных возможностей защиты независимого кредитора, на наш взгляд, в указанном обзоре раскрыты недостаточно, в основном акцент сделан на исследовании судами материальных отношений.

В юридической литературе процессуальной защите независимых кредиторов при банкротстве аффилированного другим кредитором должника уделяется внимание недостаточно. Можно встретить предложения со стороны профессионального юридического сообщества о понижении очередности⁵, оспариванию сделок⁶ и др. Но комплексного исследования в рамках вектора совершенствования процессуального законодательства о банкротстве с последующими предложениями нормативного выражения процессуальных механизмов защиты независимых кредиторов проблема, к сожалению, пока не получила.

Полагая, что выделенная проблематика исследования является перспективной как с точки зрения правовой теории, законотворческого процесса, так и практики правоприменения, попытаемся изложить собственные суждения о возможных направлениях процессуальной защиты независимого кредитора.

Во-первых, необходимо обратить внимание на то, что независимый реестровый кредитор наделен процессуальными

возможностями обжалования судебного акта, которым должник признан несостоятельным (банкротом) и в отношении которого введено конкурсное производство.

На момент вынесения решения суда независимый реестровый кредитор не имел статус кредитора с правами обжалования такого судебного акта. До включения в реестр кредиторов независимый кредитор обладает ограниченными процессуальными правами в части установления факта наличия задолженности у должника перед другими кредиторами, ее размера и очередности погашения, но не судебного акта относительно существа спора. Аналогичная правовая позиция по статусу кредитора, требования которого не включены в реестр, изложена в п. 30 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) № 60 от 23 июля 2009 г. «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)”».

При этом право кредитора в деле о банкротстве об обжаловании судебных актов, принятых в отношении должника, признанного банкротом, не является абсолютным, оно возникает в случае, если спорный судебный акт принят о правах и обязанностях кредитора. До включения в реестр требований кредиторов, кредитор не наделен правом обжалования определения о введении процедуры банкротства⁷.

С момента включения в реестр требований кредиторов у независимого кредитора появляется право на апелляционное обжалование решения о признании должника несостоятельным (банкротом), поскольку судебным актом затрагиваются права и обязанности такого кредитора. Одновременное заявление требований со стороны иных аффилированных кредиторов создает препятствия независимому кредитору в реализации своих прав и обязанностей в отношениях с должником.

⁵ См., напр.: Федотов Д.В. К вопросу о субординации требований аффилированных кредиторов в банкротстве // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2018. № 4. С. 203–213.

⁶ См., напр.: Токмаков М.А., Рыбалко А.В. К вопросу о применении категории «аффилированный кредитор» в практике Верховного Суда Российской Федерации, касающейся оспаривания сделок с предпочтением в процедуре банкротства юридических лиц // Актуальные проблемы праведения. 2020. № 2. С. 2–5.

⁷ Аналогичный подход также можно наблюдать в материалах судебной практики, например в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 21 февраля 2018 г. по делу № А40-146115/2017.

В соответствии с п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 12 от 30 июня 2020 г. «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» закреплена возможность апелляционного обжалования судебного акта лицами, о правах и обязанностях которых судебный акт принят. Право на обжалование судебных актов в порядке апелляционного производства имеют как лица, участвующие в деле, так и иные лица. К иным лицам в силу ч. 3 ст. 16 и ст. 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) относятся лица, о правах и об обязанностях которых принят судебный акт.

Лицо, о правах и обязанностях которого принят судебный акт, имеет право ходатайствовать о восстановлении срока на апелляционное обжалование и заявить свои возражения по существу решения о признании должника несостоятельным (банкротом). В соответствии с разъяснениями Постановления Пленума ВАС РФ № 35 от 22 июня 2012 г. «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» судебный акт, которым рассмотрено требование по существу, обжалуется в общем порядке (п. 35.3), следовательно, принимается во внимание срок апелляционного обжалования 30 дней (ч. 1 ст. 259 АПК РФ)⁸.

Восстановление срока апелляционного обжалования и рассмотрение судебного акта о признании должника банкротом ограничивает возможности независимого кредитора в удовлетворении его требования о прекращении банкротства. Так, например, ч. 1 ст. 57 Закона о банкротстве арбитражный суд не может прекратить производство по делу в случае признания необоснованными требова-

ний заявителя, поскольку должник находится в конкурсном производстве, а не наблюдении, и к моменту апелляционного обжалования, как правило, судом признаны обоснованными требования иных кредиторов. Аффилированные должнику кредиторы отказываться от своих требований не собираются, удовлетворить все требования кредиторов не представляется возможным по причине отсутствия имущества должника.

В этом случае возможность процессуального обжалования независимым кредитором в апелляции решения суда о признании должника банкротом скорее номинальна и не позволяет независимо кредитору как-то воздействовать на несправедливый банкротный процесс.

Как разъяснено в п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», в силу абз. 1 п. 2 ст. 7 Закона о банкротстве право на обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом возникает у кредитора по денежному обязательству с даты вступления в законную силу решения суда о взыскании с должника денежных средств.

Таким образом, аффилированные с должником кредиторы вправе, не обращаясь в установленном Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» порядке в службу судебных приставов для совершения исполнительских действий, не дожидаясь трех месяцев неисполнения, имеют возможность непосредственно обратиться в суд и возбудить банкротство. Независимый кредитор эффективных мер в этой части противопоставить вряд ли сможет.

Во-вторых, в связи с тем, что банкротство аффилированного должника происходит в упрощенном порядке, аргумент независимого кредитора о том, что не исследованы имущественные возможности должника для покрытия требования заявителя в деле о банкротстве, также остается неуслышанным. Зачастую такие возможности вполне позволяют удовлетворить требования аффилированного

⁸ Аналогичный подход можно наблюдать в Определении Верховного Суда Российской Федерации № 306-ЭС18-25689. Конкурсный кредитор вправе обжаловать судебный акт о введении той или иной процедуры несостоятельности и (или) об утверждении арбитражного управляющего, принятый до момента приобретения им статуса лица, участвующего в деле о банкротстве. Срок на апелляционное обжалование для такого кредитора исчисляется по общим правилам: в случае пропуска он может быть восстановлен.

кредитора, на основании которых суд признает должника банкротом, что может подтверждаться содержанием актов инвентаризации должника, которые составлены конкурсным управляющим. Вместе с тем волеизъявление аффилированного участника юридического лица о его ликвидации не позволяет погасить требование другого аффилированного кредитора и прекратить производство. Совершенно очевидно, что интересы независимых кредиторов здесь также нарушаются, но повлиять на принятие судом решения о признании должника банкротом такие кредиторы не могут.

При этом необходимо обратить внимание, что, если бы инициатор возбуждения дела о банкротстве аффилированного должника обратился в соответствии с требованиями Закона об исполнительном производстве в службу судебных приставов, то нельзя исключать того, что должник имел возможность расплатиться по своим денежным обязательствам через обращение взыскания: на денежные средства должника (ст. 70); на дебиторскую задолженность (ст. 76); на имущество должника-организации (ст. 94).

В-третьих, процессуальные возможности независимого кредитора в оспаривании подозрительных сделок должника, на наш взгляд, также ограничены. Так, согласно правовой позиции Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»» правом подать заявление об оспаривании сделки наделен конкурсный управляющий по своей инициативе или на основании решения собрания кредиторов. Отдельный кредитор также наделен правом оспаривания сделок должника, но только признания судом обоснованной жалобы на бездействия конкурсного управляющего. Заявление об оспаривании сделки может быть подано в пределах годичного срока исковой давности (п. 30–32).

Совершенно очевидно, что сокращенный срок исковой давности и предварительный процессуальный барьер в виде оспаривания бездействия конкурсного управляющего не способствуют формированию активной процессуальной позиции независимого кредитора по оспариванию сделок должника. Аффи-

лированные должнику кредиторы, как правило, полностью контролируют процедуру банкротства, в том числе и вопросы голосования на общем собрании кредиторов по причине большинства голосов в результате формирования ранее реестровых требований по отношению к аффилированному должнику или избрания заранее комитета кредиторов, в совокупности с «лояльностью» выбранного аффилированными кредиторами конкурсного управляющего. Оспорить независимому кредитору сделки не дадут.

Кроме того, нельзя исключать злоупотребления должником, например, с досрочным возвратом гарантийных удержаний. При разработке стратегии банкротства, аффилированные кредиторы намечают круг потенциальных кредиторов, которые будут сопротивляться ведению банкротства, и возвращают им с дисконтом частично гарантийные резервы. После введения конкурсного производства конкурсный управляющий, выбранный аффилированными к должнику кредиторами, будет оспаривать досрочный возврат гарантийных удержаний по основаниям того, что сделка совершена за пределами нормальной хозяйственной деятельности должника. Таким образом, независимые кредиторы вынуждены защищаться и снизить градус активности в отношении аффилированных кредиторов, а также конкурсного управляющего и должника.

Некоторым выходом из сложившейся ситуации видится то, что независимые кредиторы могут применить процессуальные средства защиты в форме оспаривания действий (бездействия) конкурсного управляющего до окончания конкурсного производства. Например, конкурсный управляющий обязан принимать меры ко взысканию дебиторской задолженности должника. Ознакомившись с бухгалтерским балансом, имеющимся в материалах дела, независимый кредитор может обнаружить то, что в отношениях между аффилированными кредиторами и должником имеется дебиторская задолженность, а конкурсный управляющий ее не взыскивает. Или, например, конкурсный управляющий в нарушение требований законодательства⁹ может не сделать за-

⁹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 855

ключение о признаках фиктивного и преднамеренного банкротства.

Коэффициенты финансово-хозяйственной деятельности должника и показатели, используемые для их расчета, которые предусмотрены Постановлением Правительства Российской Федерации¹⁰, конкурсный управляющий независимым кредиторам или собранию кредиторов также может не представить.

Следствием такого противоправного бездействия является то, что конкурсным управляющим не определена точка убыточности аффилированного должника, не сделано заключение в части определения круга лиц, контролирурующих должника в данный период времени; не раскрыта корпоративная структура должника. Кроме того, может отсутствовать анализ финансово-хозяйственной деятельности должника на момент принятия решения о признании банкротом, и конкурсный управляющий не принимает мер о привлечении контролируемых должника лиц к субсидиарной ответственности.

Однако это не разрешает на должном уровне проблему эффективной, в том числе процессуальной, защиты прав независимых кредиторов. Необходимо признать, что такие кредиторы — «слабая сторона» отношений, интересы которой зачастую незаслуженно не воспринимают сильные аффилированные с должником кредиторы. И реальность ситуации такова, что по «праву сильного интересы

слабого никого не интересуют». Конечно, такой подход не может быть признан удовлетворительным и нуждается в изменении. Вопрос в том, каким образом должны быть сделаны изменения? Формируемая судебная практика диктует решение проблемы по двум направлениям: а) через состязательность заинтересованных лиц в рамках обособленных споров; б) разрабатываемое законодательство о банкротстве, напротив, ориентирует на то, чтобы механизмы в том числе процессуальной защиты независимого кредитора были четко закреплены в законе.

Полагаем, было бы логичным развивать оба направления. В отличие от рассмотрения обычного судебного спора суд должен проявлять большую активность не только при проверке обоснованности и размера требований кредиторов, но и в исследовании отношений аффилированности всех участников, влиянии такой аффилированности на возможности осуществления защиты прав независимых кредиторов. В аспекте совершенствования правовых норм процессуальные меры защиты независимого кредитора необходимо предусмотреть на всех этапах банкротства аффилированного должника в рамках различных процедур. В противном случае баланс интересов участников банкротства, к которому стремится законодатель, вряд ли возможно достичь.

Пока лишь приходится признать, что проблема процессуальных возможностей защиты независимого кредитора при банкротстве аффилированного должника может быть обсуждаема и требует своего разрешения, особенно в преддверии реформирования законодательства о банкротстве.

⁹ «Об утверждении временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // СЗ РФ. 2004. № 52. Ст. 5519.

¹⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 25 июня 2003 г. № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражными управляющими финансового анализа» // СЗ РФ. 2003. № 26. Ст. 2664.

Литература

1. Токмаков М.А. К вопросу о применении категории «аффилированный кредитор» в практике Верховного Суда Российской Федерации, касающейся оспаривания сделок с предпочтением в процедуре банкротства юридических лиц / М.А. Токмаков, А.В. Рыбалко // Актуальные проблемы правопедения. 2020. № 2. С. 2–5.
2. Федотов Д.В. К вопросу о субординации требований аффилированных кредиторов в банкротстве / Д.В. Федотов // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2018. № 4. С. 203–213.

Кузнецов**Евгений Николаевич,**

доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
приглашенный профессор Университета
Париж Нантерр (Франция),
кандидат юридических наук
corben2002@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-5-52-56

Роль информационных технологий в реализации права на исполнение судебных актов в современном исполнительном производстве

В статье рассматриваются вопросы влияния информационных технологий на реализацию права на исполнение судебных актов. Выявляется влияние практики Европейского суда по правам человека на реализацию указанного права. Анализируются особенности реализации права на исполнение в современных условиях существующих ограничений в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Предлагаются способы использования информационных технологий в исполнительном производстве, способные повлиять на повышение эффективности реализации права на исполнение судебных актов.

Ключевые слова: исполнительное производство, COVID-19, право на исполнение судебных актов, Европейский суд по правам человека, эффективность принудительного исполнения.

Право взыскателя на исполнение судебного акта является следствием толкования статьи 6 Европейской конвенции по правам человека от 4 ноября 1950 г., выступая одним из элементов права на справедливое судебное разбирательство. Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) стал расширять применение данной статьи и на сферу исполнения судебных и внесудебных актов, реализуемых в порядке, предусмотренном национальным законодательством.

В целом под правом взыскателя на исполнение судебного акта можно понимать обусловленную международными актами, национальным законодательством и судебной практикой возможность лица, чье материальное право, свобода или законный интерес подтверждены судебным актом, вступившим в законную силу, в установленном законом порядке требовать от обязанного лица либо через органы принудительного исполнения и иных субъектов, исполняющих требования, содержащиеся в исполнительных документах (в отношении судебных актов о присуждении), либо иным образом (в отношении судебных актов о признании и о преобразовании) реализации соответствующих обязательств.

Право на исполнение судебных актов широко признано в странах Западной Европы и включает в себя два аспекта: право на добровольное исполнение обязательств

и право на принудительное исполнение исполнительных документов, подтверждающих вышеуказанные обязательства. При этом право на принудительное исполнение является производным от права на добровольное исполнение и реализуется только в случае, когда должник не выполняет возложенных на него обязанностей добровольно.

Судебная практика Европейского суда по правам человека определяет, что «право на обращение в суд, закрепленное в п. 1 ст. 6 Конвенции, было бы иллюзорным, если бы внутринациональная система права договаривающегося государства допускала, чтобы окончательное обязательное решение суда оставалось бездействующим, нанося ущерб одной из сторон. Исполнение решения, вынесенного судом, должно, таким образом, рассматриваться как неотъемлемая часть «судебного разбирательства» по смыслу ст. 6 Конвенции...» (Постановление ЕСПЧ от 18 июня 2002 г. «Шестаков против России» («*Shestakov v. Russia*»)¹; п. 40 постановления ЕСПЧ от 19 марта 1997 г. по делу «Хорнсби против Греции» («*Hornsby v. Greece*»)²).

¹ Постановление ЕСПЧ от 18 июня 2002 г. «Шестаков против России» («*Shestakov v. Russia*») // Журнал российского права. 2002. № 11.

² Постановление ЕСПЧ от 19 марта 1997 г. по делу «Хорнсби против Греции» («*Hornsby v. Greece*») // URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461496/2461496.htm> (дата обращения: 27.02.2021).

В постановлении по делу «Бурдов против России» («*Burdov v. Russia*») ЕСПЧ указывает, что «немыслимо, что пункт 1 статьи 6 Конвенции, детально описывая процессуальные гарантии сторон — справедливое, публичное и проводимое в разумный срок разбирательство — не предусматривал бы защиты процесса исполнения судебных решений; толкование статьи 6 Конвенции исключительно в рамках обеспечения лишь права на обращение в суд и порядка судебного разбирательства, вероятнее всего, привело бы к ситуациям, не совместимым с принципом верховенства права...» (п. 34 постановления ЕСПЧ от 7 мая 2002 г. по делу «Бурдов против России» («*Burdov v. Russia*»)³).

В Российской Федерации право на исполнение судебных актов признано путем принятия Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и внесением сопутствующих изменений в ГПК и АПК с последующим вытеснением соответствующей нормативной регламентации из ГПК в КАС.

Современные условия распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) повлекли за собой изменения во всех сферах жизни. Не исключением стала и сфера судопроизводства, в равной мере ситуация коснулась и принудительного исполнения. А поскольку право на принудительное исполнение реализуется через установленный законом механизм исполнительного производства, возникает вопрос о том, какая в настоящее время существует специфика в осуществлении права на исполнение судебных актов. Итак, что изменилось?

1. Что касается организации деятельности Федеральной службы принудительного исполнения (далее — ФССП), весной 2020 г. данный орган государственной власти ограничился реализацией общих рекомендаций органов здравоохранения. С марта 2020 г. Управления ФССП России в регионах ограничили личный прием граждан и представителей организаций, перейдя преимущественно на дистанционный способ взаимодействия с участниками исполнительного производства (телефон, электронная почта, сайт ФССП).

2. В связи с поэтапным снятием ранее наложенных ограничений, связанных с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19), ФССП России и ее территориальными органами был возобновлен личный прием граждан, который в целях недопущения скопления граждан осуществляется по предварительной записи, заявку на которую можно оформить посредством сервиса «Запись на прием» на официальном интернет-сайте ФССП России.

3. В настоящее время при личном посещении структурных подразделений территориальных органов ФССП России гражданам предписано обязательно соблюдать социальную дистанцию (1,5–2 метра), использовать средства индивидуальной защиты (маски и перчатки) и осуществлять антисептическую обработку рук.

4. ФССП России также рекомендует использовать бесконтактные способы взаимодействия с судебными приставами-исполнителями, в том числе электронный сервис «Личный кабинет стороны исполнительного производства» на официальном интернет-сайте ФССП России.

5. Что касается законодательной регламентации осуществления исполнительного производства в новых условиях распространения коронавирусной инфекции (COVID-19), произошли следующие изменения. Федеральным законом № 166-ФЗ от 8 июня 2020 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий распространения новой коронавирусной инфекции» внесены изменения в Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Так, изменены положения ст. 101 Федерального закона «Об исполнительном производстве», которая определяет виды доходов должника, на которые не допускается обращение взыскания: перечень дополнен единовременной выплатой в размере 10 000 рублей на каждого ребенка, выплачиваемой в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 апреля 2020 г. № 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей». При этом в соответствии с принятыми подзаконными нормативными актами администратор единовременной выплаты должен указывать специальный код, наличие которого обеспечит информирование кредитной организации о виде

³ Постановление ЕСПЧ от 7 мая 2002 г. по делу «Бурдов против России» («*Burdov v. Russia*») // Российская газета. 2002. 4 июля.

дохода, на который не может быть обращено взыскание, что позволит в полной мере обеспечить реализацию закона⁴.

6. Помимо указанных изменений в правовых основаниях осуществления принудительного исполнения, сложившаяся ситуация потребовала определения особенностей выполнения должностными лицами ФССП России своих обязанностей по исполнению требований исполнительных документов. Подзаконными актами урегулировать соответствующие отношения не представляется возможным, поскольку они будут напрямую противоречить требованиям действующего законодательства об исполнительном производстве.

Наиболее существенным нормативным правовым актом, предопределившим специфику осуществления исполнительного производства в современных условиях распространения коронавирусной инфекции (COVID-19), стал Федеральный закон от 20 июня 2020 г. № 215-ФЗ «Об особенностях исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также возврата просроченной задолженности в период распространения новой коронавирусной инфекции» (далее — ФЗ № 215).

Данный акт регулирует вопросы исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также возврата просроченной задолженности в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, являющихся субъектами малого и среднего предпринимательства, которые осуществляют деятельность в наиболее пострадавших отраслях российской экономики вследствие распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) в соответствии с Перечнем, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 434⁵. Исключение составляют должники — юридические лица и индивидуальные предприниматели, к которым применяется мораторий на возбуждение дел о банкротстве.

Кроме того, ФЗ № 215 распространяет свое действие и на физических лиц. К таким относятся граждане, выступающие должниками по исполнительным документам, содержащим требования о взыскании задолженности по кредитному договору (займу), если должник является получателем пенсии

по старости, пенсии по инвалидности и (или) пенсии по случаю потери кормильца и не имеет иных источников доходов и недвижимого имущества (за исключением единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения), если совокупный размер пенсии по старости, пенсии по инвалидности и (или) пенсии по случаю потери кормильца должника-гражданина составляет менее двух минимальных размеров оплаты труда.

7. В целом сложившаяся ситуация ограничения личного взаимодействия граждан между собой требует более активного развития и применения информационных технологий в исполнительном производстве.

Все указанные изменения так или иначе коснулись реализации права на исполнение судебных актов. Можно ли в таких условиях говорить об ограничении права взыскателей на исполнение их правовых притязаний к должнику?

Что касается организационных моментов деятельности ФССП и ее подразделений, степени организации удаленного взаимодействия должностных лиц службы и участников исполнительного производства, здесь можно констатировать, что умаления права на исполнение не происходит, поскольку содержательно принимаемые меры не влияют на возможность взыскателя получить искомое.

Относительно же законодательных изменений здесь нужно пройти логический путь размышлений от норм ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией (а поскольку право на исполнение судебных актов следует как раз из них, поэтому оно и признается, и гарантируется в России), до положений ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты, в том числе здоровья. Поэтому временный мораторий на осуществление ряда мер принудительного исполнения применительно к отдельным категориям должников не может считаться умаляющим право на исполнение судебных актов. Кроме того, напротив, определение должником размеров ежемесячных платежей,

⁴ URL: <https://fssp.gov.ru/pressreleases/document27884314> (дата обращения: 27.02.2021).

⁵ URL: http://base.garant.ru/73846630/#block_1000 (дата обращения: 27.02.2021).

вносимых на основании постановления судебного пристава-исполнителя о расрочке, способствует как раз оптимальной реализации требований исполнительного документа и выступает дополнительной гарантией реализации права на исполнение судебных актов.

Использование информационных технологий в исполнительном производстве также способствует оптимальной реализации права на исполнение судебных актов, поскольку для взыскателя, субъекта данного права, наиболее ценным является получение от должника искомого, а не форма взаимодействия с судебным исполнителем и/или должником, взаимосвязь последних друг с другом, использование которой позволяет ему реализовать право на исполнение судебного акта. Современные способы взаимодействия способствуют максимально быстрому обмену информацией в различных аспектах ее проявления и необходимости применения, могут в итоге существенно повлиять не только на реализацию права на исполнение судебных актов, но и на усиление эффективности исполнительного производства в целом.

К вопросам использования информационных технологий в исполнительном производстве, способных повлиять на повышение эффективности реализации права на исполнение судебных актов, помимо указанных выше, можно отнести следующие:

1. Использование свободного программного обеспечения, что снижает финансовую нагрузку на бюджет. Так, в 2010 г. во всех территориальных управлениях в качестве учетной системы стал применяться комплекс «Судебный пристав» на базе свободной системы управления базами данных Firebird. Впоследствии была разработана и в настоящее время применяется защищенная операционная система «Гослинукс». Была создана собственная автоматизированная информационная система ФССП.

2. Обеспечение судебных приставов-исполнителей необходимой технической базой. Соответствующие работы были начаты еще в 2007 г. почти с нуля, когда «не было ни серверов, ни рабочих мест, ни каналов связи»⁶. Затем были проведены закупки компьютерной техники, создана телекоммуникационная инфраструктура, разрабатывалось собственное программное

обеспечение, создан удостоверяющий центр ФССП. В 2011 г. во всех подразделениях ФССП появилось единое программное обеспечение для автоматизации деловых процессов, в результате все объекты Службы были подключены к общей сети передачи данных.

3. В 2012 г. закончилось развертывание ведомственной телефонной сети и видеоконференцсвязи, заработали федеральный центр обработки данных, единая система электронного документооборота, сотрудники получили флеш-карты с сертификатами электронной цифровой подписи.

4. С февраля 2013 г. на базе банка данных ведомства запущено SMS-информирование граждан о начале исполнительного производства.

5. В марте 2014 г. ФССП получила сертификат Федеральной службы по техническому и экспортному контролю России на свою технологическую платформу и собственную операционную систему GosLinux.

6. Сформирован Банк исполнительных производств, функционирующий на сайте ФССП.

7. ФССП оказывает государственную услугу, именуемую «Предоставление информации по находящимся на исполнении исполнительным производствам в отношении физического и юридического лица», в рамках которой предоставляется информация о наличии исполнительного производства, его ходе и размере судебной задолженности.

8. В 2017 г. Директор ФССП анонсировал построение системы электронного взаимодействия ФССП с судами и крупными взыскателями за два года. Так, сформирован электронный документооборот всех типов постановлений, а также запросов о наличии счетов и остатков в отношении всех категорий должников через единый сервис межведомственного электронного взаимодействия между ФССП и Банком ВТБ.

9. В августе 2019 г. Правительство Российской Федерации внесло в Государственную Думу Федерального Собрания законопроект, по которому с 2020 г. приставы будут извещать должников о невозможности выезда за рубеж посредством SMS-сообщений. Извещения о невозможности выезда за границу также будут приходить в личный кабинет на сайте госуслуг.

10. Судебные приставы могут выносить постановления в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью судебного пристава-исполнителя.

⁶ Информационные технологии в Федеральной службе судебных приставов (ФССП) // URL: <https://www.tadviser.ru/> (дата обращения: 27.02.2021).

11. В Москве с 2019 г. осуществляется поиск должников при помощи городских камер видеонаблюдения, что, в свою очередь, потребовало расширения системы видеораспознавания лиц. Сложностью в реализации данной меры в современных условиях является необходимость соблюдения гражданами масочного режима. Судебные приставы также разыскивают должников через дорожные камеры, по номерам автомобилей.

12. В октябре 2020 г. Минюст разработал законопроект, предусматривающий перевод исполнительного производства на электронный документооборот и создание суперсервиса «Цифровое исполнительное производство».

Данный суперсервис, развиваемый ФССП, позволит пользователям портала госуслуг получать в электронном виде расширенные сведения о ходе исполнительного производства. Информация будет выдаваться автоматически, без необходимости личного взаимодействия с судебным приставом-исполнителем. При этом повысится ее точность и оперативность предоставления. В сервис будут поступать все документы ФССП, вынесенные в формате «Принудительное исполнение в электронном виде».

Ведомство планирует включить в перечень общедоступных сведений, содержащихся в банке данных в исполнительном производстве, ИНН должника-организации.

По словам директора Федеральной службы судебных приставов Д. Аристова «суперсервис «Цифровое исполнительное производство», предполагающий внедрение реестровой модели принудительного исполнения... позволит взыскивать долги по большей части в режиме онлайн»⁷.

13. Законопроектом предусматривается возможность ФССП в целях идентификации должника и взыскателя запрашивать необходимые сведения, включая персональные данные, а также в целях уведомления должника и взыскателя, их номера телефонов у органов и организаций с ис-

пользованием государственных информационных систем.

14. В законопроекте предусмотрена возможность автоматического принятия решений по исполнительному производству в части снятия временного ограничения на выезд должника из Российской Федерации, что, безусловно, способствует более высокому уровню гарантий прав должников, своевременно оплативших задолженность.

15. С начала 2020 г. законодательно предусмотрена возможность юридически значимого извещения сторон исполнительного производства через личный кабинет на портале «Госуслуги». С 1 августа вся информация о ходе исполнительного производства и любые документы могут быть получены гражданами, а с 1 сентября — и юридическими лицами в проактивном формате в личном кабинете на едином портале, сообщал в июле главный судебный пристав Российской Федерации Дмитрий Аристов⁸.

16. В конце ноября 2020 г. подписано постановление премьер-министра РФ Михаила Мишустина, согласно которому извещения в случае возбуждения исполнительного производства будут автоматически приходить пользователям портала госуслуг. Ранее для доступа к такой информации в электронном виде нужно было подавать специальное заявление о получении юридически значимых оповещений. Теперь же уведомления об исполнительном производстве от ФССП будут приходить автоматически, без каких-либо дополнительных действий со стороны зарегистрированного гражданина.

В целом развиваемые в российском исполнительном производстве информационные технологии, как представляется, способствуют оптимальной реализации права взыскателя как на исполнение судебного акта, так и в целом исполнительного производства. Подобная тенденция носит международный характер и является одним из направлений развития механизма принудительного исполнения во всем мире.

⁷ Дмитрий Аристов: проверить себя по спискам невыездных можно через портал госуслуг. URL: <https://alrf.ru/news/dmitriy-aristov-proverit-sebya-po-spiskam-neyezdnykh-mozhno-cherez-portal-gosuslug/> (дата обращения: 27.02.2021).

⁸ Россияне смогут связаться с судебными приставами через портал госуслуг. URL: <https://ria.ru/20201101/gosuslugi-1582558400.html> (дата обращения: 27.02.2021).

Литература

1. Дмитрий Аристов: проверить себя по спискам невыездных можно через портал госуслуг // Ассоциация юристов России. 2020. 17 августа.

Галузина**Ксения Александровна,**преподаватель кафедры гражданского
права и процесса

Воронежского государственного

университета

prodobro@ro.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-5-57-60

Баланс интересов сторон исполнительного производства в законодательстве и в судебной практике

В настоящей публикации автор заостряет внимание на том, что задачей исполнительного производства является правильное и своевременное исполнение судебных актов, а не наказание должника. В связи с этим обосновывается необходимость соблюдения баланса интересов сторон исполнительного производства в законодательстве и в судебной практике.

Ключевые слова: исполнительное производство, взыскатель, должник, баланс интересов сторон.

Эффективность принудительного исполнения, как известно, традиционно принято повышать за счет усиления давления на должника, что в целом представляется логичным и вполне оправданным по известным причинам. Однако при этом важно принимать во внимание и то, что должник ни в чем не виновен перед судебным приставом, перед судом или иным правоприменительным органом, и он не несет перед ними ответственность.

Более того, нередко должник несет материальную ответственность и перед взыскателем без вины. Существует обширная практика по делам о банкротстве, когда конкурсная масса наполняется имуществом, истребуемым или взысканным с лиц, которые оказались конечными бенефициарами не только без вины, но и без права доказать свою добросовестность. Должниками на стадии исполнительного производства могут стать граждане, обязанные возвратить имущество без получения денежной компенсации, а лишь с правом включения в реестр требований и т.п.

Между тем ряд мер принуждения, как верно следует из результатов анализа, проведенного М.Л. Гальпериным, представляют собой «ограничения личных прав должника (на выезд за рубеж, на управление транспортным средством), которые формально не признаются мерами ответственности, исходя из ряда признаков ответственности (негативное изменение правового статуса лица, наличие элемента осуждения), практики их применения, могут быть признаны таковыми»¹.

В связи с изложенным уместным представляется вспомнить, что согласно ст. 2 За-

кона об исполнительном производстве его задачами являются правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а не наказание должника. И, соответственно, задуматься о необходимости разработки механизмов, предотвращающих чрезмерное ограничение прав должника на пути к повышению эффективности принудительного исполнения и одновременно сохраняющих оправданные гарантии прав взыскателя.

На практике правоприменители, осознающие, что реализация прав взыскателей за счет ущемления прав должника и наоборот невозможна, вынуждены прибегать к такому неправомерному понятию, как «баланс интересов сторон исполнительного производства». Например, оно широко используется судами при решении вопросов о предоставлении отсрочки или рассрочки исполнения судебного акта, изменении способа и порядка его исполнения, несмотря на то что и в ст. 434 ГПК РФ, и в ст. 324 АПК РФ указывается, что удовлетворение соответствующего заявления возможно «при наличии обстоятельств, затрудняющих исполнение судебного акта». Причем конкретные судебные акты могут являть собой примеры защиты интересов как должника, так и взыскателя в зависимости от установленных обстоятельств².

На необходимость соблюдения баланса интересов сторон исполнительного производства указывается и в юридической литера-

¹ Гальперин М.Л. Исполнительные действия — меры ответственности? // Lex Russica. 2018. № 3 (136). С. 9–22.

² См., напр.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 310-ЭС20-8025 по делу № А64-5154/2018; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2019 г. № 33-ПЭК19 по делу № А55-5064/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

туре, преимущественно при анализе отдельных исполнительных действий³.

Говоря о необходимости соблюдения баланса интересов сторон в сфере исполнительного производства, суды нередко подкрепляют свои выводы ссылкой на принципы, основанные на категории равенства. При этом в отсутствие указания на данные принципы в законодательстве об исполнительном производстве они руководствуются принципами, предусмотренными в процессуальном законодательстве. В частности, принципом процессуального равноправия сторон арбитражного процесса⁴, что представляется вынужденной мерой, не имеющей исчерпывающего правового основания.

Сложившаяся ситуация, в которой, оценивая права и интересы должника и взыскателя и стремясь к достижению их баланса на этапе исполнительного производства, суд вынужден описывать их, руководствуясь принципами арбитражного процесса, свидетельствует о назревшей практической потребности дополнения действующего законодательства положениями, которыми суды могли бы руководствоваться при разрешении споров должника и взыскателя в целях соблюдения баланса их интересов.

К таковым, во-первых, можно отнести закрепление в законодательстве об исполнительном производстве принципа процессуального равенства сторон в правоотношениях, возникающих на стадии принудительного исполнения. Это позволит суду при принятии решений руководствоваться принципами, на которых строятся те правоотношения, из которых вытекают заявленные требования, — принципами исполнительного производства.

И, во-вторых, разработку и принятие более конкретных положений законодательства об исполнительном производстве и иных

отраслей российского права и законодательства, которыми возможно было бы руководствоваться в правоприменительной практике.

Данная идея не является абсолютно новой. Именно она, видимо, среди прочих, положена в основу, например, уже упоминавшихся отсрочки или рассрочки исполнения судебного акта, изменения способа и порядка его исполнения, а также ряда иных правовых норм и институтов.

Конституционный Суд Российской Федерации в определении об отказе в принятии к рассмотрению жалобы на нарушение прав заявителя абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ и п. 1 ст. 78 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» отметил, что «...распространя на обеспеченные ипотекой обязательства общее правило об ответственности должника всем своим имуществом, указанные законоположения направлены на достижение баланса прав и законных интересов взыскателей и должников и служат для реализации положений, закрепленных статьями 17 (часть 3), 35 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации»⁵.

Идея о необходимости соблюдения баланса интересов должника и взыскателя положена также в основу проекта закона о внесении изменений в абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ, которым предполагается разрешить обращение взыскания на единственное жилое помещение гражданина-должника при условии, что «...за счет его стоимости может быть приобретено иное пригодное для постоянного проживания жилое помещение в границах того же населенного пункта по нормам предоставления на каждого члена семьи гражданина-должника и могут быть полностью или частично удовлетворены требования кредитора гражданина-должника»⁶. На первый взгляд, данный законопроект призван защитить интересы преимущественно взыскателя. Однако его комментаторы справедливо утверждают, что реализация положенной его в основу идеи возможна лишь при условии соблюдения баланса интересов должника и кредитора. Например, А. Клишас полагает, что «...обращение взыскания на такое имущество будет обоснованным только в случае соразмерности

³ См., напр.: Блинова А.А. Проблемы соблюдения баланса интересов должника и кредитора при обращении взыскания на единственное жилье // Вестник исполнительного производства. 2019. № 3. С. 37–43; Сидоров И.С. Соразмерность и баланс интересов сторон при временном ограничении на выезд из Российской Федерации // Вестник исполнительного производства. 2017. № 4. С. 58–63.

⁴ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29 июня 2017 г. № Ф04-1998/2017 по делу № А45-17438/2014; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 декабря 2015 г. № Ф04-25708/2015 по делу № А46-11472/2014; Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 28 сентября 2018 г. № 06АП-4402/2018 по делу № А16-1046/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 г. № 10-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Проект Федерального закона № 175340-6 «О внесении изменений в статью 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 21.11.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

объема требований кредитора по отношению к стоимости соответствующего имущества гражданина-должника»⁷, М. Ерохова — что человек ни дня не должен оставаться без жилья и т.п.⁸

В то же время остается немало ситуаций, в которых баланс интересов сторон исполнительного производства может быть нарушен грубейшим образом, дискредитировав тем самым еще и судебный порядок защиты прав.

Так, Р.С. Бевзенко приводит в пример решение, согласно которому покупатель должен был вернуть продавцу квартиру, а продавец вернуть покупателю 10 млн руб. Приставу не составляет труда исполнить решения в части возвращения квартиры продавцу. В случае же, если у продавца нет счетов или имущества, на которое может быть обращено взыскание, решение в пользу покупателя не будет исполнено, и он останется как без квартиры, так и без денег. Р.С. Бевзенко предлагает рациональный и справедливый по отношению к каждой из сторон вариант устранения подобных рисков: суд признает сделку недействительной, продавцу выдается исполнительный лист, но он имеет возможность его предъявить только после того, как внесет деньги на депозитный счет судебного пристава, сохранность квартиры в это время обеспечивается наложением на нее ареста⁹.

Являясь довольно частным случаем, данный пример наводит на мысль о необходимости разработки универсального механизма, не позволяющего допускать нарушения прав ни должника, ни взыскателя при исполнении постановлений, предполагающих встречное предоставление сторонами и (или) требующих последовательного совершения тех или иных действий каждой из сторон. Подобная проблема может возникнуть при исполнении решений об удовлетворении требований о переводе прав покупателя в случае нарушения права преимущественной покупки доли в праве собственности, когда истец принимает на себя обязательство оплатить стоимость этой доли (ч. 3 ст. 250 ГК РФ). В случае удовлетворения иска о понуждении к заключению публичного договора, например, розничной купли-продажи (ст. 426, ст. 492 ГК РФ) приставу довольно просто обратить взыскание на

имущество, имеющееся в натуре у продавца, притом что действия покупателя, добивавшегося заключения данного договора, могут привести к невозможности или затруднительности его оплаты. При присуждении денежной компенсации в случае передачи одному из супругов имущества, стоимость которого превышает причитающуюся ему долю при его разделе (абз. 2 ч. 3 ст. 38 СК РФ) и во многих иных подобных случаях.

Правовые нормы, способные отчасти снизить подобные риски, содержатся в процессуальном законодательстве. Согласно ст. 204 ГПК РФ и ч. 2 ст. 168 АПК РФ суд вправе установить порядок и срок исполнения своего решения в резолютивной части при его принятии. Однако данной возможностью суды пользуются довольно редко. Преимущественно в случаях, когда это прямо предусматривается законом¹⁰, предписывается Верховным Судом Российской Федерации¹¹ или одной из будущих сторон исполнительного производства своевременно (до вынесения решения), заявляется соответствующее ходатайство. Суд также может изменить способ и порядок исполнения собственного решения (ст. 203 и ст. 434 ГПК РФ, ст. 324 АПК РФ). Однако чтобы порядок изменить, его сначала нужно установить.

Еще более сложными и предполагающими необходимость совершения последовательных действий каждой из сторон являются мировые соглашения. Определения об их утверждении подлежат принудительному исполнению так же, как судебные решения, однако возможности установления срока и порядка их исполнения судом закон не предусматривает, так как условия мировых соглашений определяют сами стороны.

¹⁰ Например, согласно ст. 46 Закона о защите прав потребителей при удовлетворении иска в защиту неопределенного круга потребителей суд обязывает правонарушителя довести в установленный судом срок через средства массовой информации или иным способом до сведения потребителей решение суда. См.: Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140

¹¹ Например, особенности порядка исполнения решений об удовлетворении судом требований о взыскании денежных сумм, которые подлежат оплате в рублях в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте или в условных денежных единицах, предусматриваются п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении». См.: БВС РФ. 2017. № 1.

⁷ Бондарь Н., Клишас А., Мифтахутдинов Р., Гальперин М., Чефранова Е., Кондрашов И., Наумова Л., Сычкова Е., Ерохова М., Литовцева Ю., Улезко А. Обращение взыскания на единственное жилье: в поисках баланса интересов // Закон. 2018. № 12. С. 27–45.

⁸ Там же. С. 27–45.

⁹ URL: <http://mialegis.ru/video/>

Установление способа и порядка исполнения иных исполнительных документов, указанных в ст. 12 Закона об исполнительном производстве, специально не предусматривается. Статья 32 Закона предусматривает лишь то, что взыскатель, должник, судебный пристав-исполнитель вправе обратиться в суд, другой орган или к должностному лицу, выдавшим исполнительный документ, с заявлением о разъяснении его положений, способа и порядка его исполнения.

В отношении требований большинства исполнительных документов в этом и нет необходимости, так как они содержат вполне однозначные предписания конкретному лицу, как правило, об уплате денежной суммы. Исключение в рассматриваемом контексте представляют медиативные соглашения. Отмечается, что «...специфика внеюрисдикционной природы медиации накладывает отпечаток и на медиативное соглашение: оно может включать в себя как правовые, так и неправовые вопросы»¹². А это, в свою очередь, дает серьезные основания полагать, что придание ему силы исполнительного документа может повлечь за собой многие проблемы и риски для добросовестной стороны данного соглашения¹³. В связи с этим предлагается конкретизировать требования к нотариально удостоверенным медиативным соглашениям как к исполнительным документам в Основах законодательства о нотариате, предусмотрев

необходимость включения в них максимально ясных условий, которые не вызвали бы сложностей при их толковании на этапе принудительного исполнения¹⁴. Предлагаемые нововведения также могут способствовать достижению баланса интересов должника и взыскателя в описанном частном случае.

При этом с учетом выявленных проблем исполнения требований, адресованных сразу обеим сторонам исполнительного производства, представляется целесообразным предусмотреть более общее правило, которое позволяло бы правоприменителю обеспечивать соблюдение баланса интересов сторон при исполнении любого исполнительного документа, содержащего подобные требования. Например, дополнить ст. 88 Закона об исполнительном производстве частью 3 следующего содержания: «Если в соответствии с требованием исполнительного документа каждая из сторон обязана передать другой стороне деньги или иное имущество либо совершить в отношении нее иные действия, передача имущества и (или) совершение иных действий осуществляется в отношении каждой из сторон одновременно. При отсутствии возможности исполнения всех требований исполнительного документа судебный пристав-исполнитель выносит постановление об окончании исполнительного производства и о возвращении исполнительного документа взыскателю в связи с невозможностью его исполнения».

¹² Загайнова С.К. Соотношение медиативного и мирового соглашений: актуальные вопросы судебной практики // Российский юридический журнал. 2018. № 5. С. 95.

¹³ См.: Шеменова О.Н. Медиативное соглашение как исполнительный документ: новые возможности и новые вопросы // Нотариус. 2020. № 1. С. 12–15.

¹⁴ Фильченко Д.Г., Фильченко И.Г., Шеменова О.Н., Евтухович Е.А. Медиативные соглашения в нотариальной деятельности и в исполнительном производстве (по материалам регионального научно-практического круглого стола в г. Воронеже) // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 281–299.

Литература

1. Блинова А.А. Проблемы соблюдения баланса интересов должника и кредитора при обращении взыскания на единственное жилье / А.А. Блинова // Вестник исполнительного производства. 2019. № 3. С. 37–43.
2. Бондарь Н. Обращение взыскания на единственное жилье: в поисках баланса интересов / Н. Бондарь, А. Клишас, Р. Мифтахутдинов [и др.] // Закон. 2018. № 12. С. 27–45.
3. Гальперин М.Л. Исполнительные действия — меры ответственности? / М.Л. Гальперин // Lex russica (Русский закон). 2018. № 3 (136). С. 9–22.
4. Загайнова С.К. Соотношение медиативного и мирового соглашений: актуальные вопросы судебной практики / С.К. Загайнова // Российский юридический журнал. 2018. № 5 (122). С. 92–96.
5. Сидоров И.С. Соразмерность и баланс интересов сторон при временном ограничении на выезд из Российской Федерации / И.С. Сидоров // Вестник исполнительного производства. 2017. № 4. С. 58–63.
6. Фильченко Д.Г. Медиативные соглашения в нотариальной деятельности и в исполнительном производстве (по материалам регионального научно-практического круглого стола в г. Воронеже) / Д.Г. Фильченко, И.Г. Фильченко, О.Н. Шеменова, Е.А. Евтухович // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 281–299.
7. Шеменова О.Н. Медиативное соглашение как исполнительный документ: новые возможности и новые вопросы / О.Н. Шеменова // Нотариус. 2020. № 1. С. 12–15.

Arbitrazh-civil procedure

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION EDITION. Registered in Federal service on supervision in sphere of media communications and protection of cultural heritage
PI No. FC77-29216 of August 23, 2007. Published since 1998. Published monthly

No. 5/2021

EDITOR IN CHIEF:

Jarkov V.V., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation

DEPUTY EDITOR IN CHIEF, REGIONAL EDITOR:

Dolganichev V.V., PhD (Law), associate professor

EDITORIAL BOARD:

Arifulin A.A., professor, Honored Lawyer of the RF;
Vitryanskij V.V., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Jilin G.A., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Isajchev V.I., Honored Lawyer of the RF;
Nosyreva E.I., LL.D., professor;
Osokina G.L., LL.D., professor;
Renov Eh.N., PhD (Law), professor;
Sakhnova T.V., LL.D., professor;
Tumanova L.V., LL.D., professor;
Scherstjuk V.M., LL.D., professor;
Yukov M.K., LL.D., professor

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding member
of the RAE, Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITOR IN CHIEF

OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov Eh.N.,
Platonova O.F., Trucevskij Yu.V.

EDITORIAL OFFICE:

Lapteva E.A., Solovyeva D.V.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Founder: Jurist Publishing Group

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel. / fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Tel.: (495) 953-91-08

ADDRESS PUBLISHERS / EDITORS:

Bldg. 7, 26 / 55, Kosmodamianskaya Emb.

Moscow, 115035.

E-mail for authors: avtor@lawinfo.ru

SUBSCRIPTION:

United catalogue. Russian press — 85473;

Russian post. Digital catalogue — П1715.

Subscription at www.lawinfo.ru

Passed for printing: 07.05.2021.

Issue was published: 20.05.2021.

ISSN 1812-383X

Printed at typography National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37

Size 170x252. Offset printing.

Printer's sheet 5,0. Conventional printed sheet 5,0.

General circulation 4000 copies. Free market price.

RELEVANT ISSUES OF SCIENCE AND PRACTICE

3 Fetisov A.K. Digital Capacity

8 Romanov A.A. On the Approximation of the Russian Civil and Arbitral Procedures

12 Guzyi D.A. Third Parties Filing No Independent Claims with Respect to the Dispute Subject in the Civil Procedure Law:

On the Way Towards the Formation of a New Legal Structure

17 Nechaev A.I. The Claim Subject and the Determination

of the Type of Proceedings in Cases on Challenging

of Non-Regulatory Acts, Decisions, Actions and Inactivity

of Public Administration

22 Pakharukova I.A. Protection of a Defendant against

a Class Action in Civil and Arbitral Procedures

27 Potapenko E.G. Procedural and Legal Consequences

of Non-Compliance with the Mandatory Complaint Procedure

When Referring to a Commercial Court

EVIDENCE AND PROVING

31 Emaltynov A.R. Some Problems of the Evaluation

of Electronic Evidence in the Electronic Justice System

ISSUES OF RECONSIDERATION OF COURT RULINGS BY COURTS OF SUPERIOR JURISDICTION

36 Ivanov E.I. Limits of Court Ruling Appeal Proceedings

in the Civil Procedure

INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

41 Shestalo S.S. Elements of the Citizen's Good Faith

and Responsibility in an Insolvency (Bankruptcy) Case

and the Creditor's Procedural Risk

46 Ershov O.G. On Procedural Protection of an Independent

Creditor in Bankruptcy of an Affiliated Debtor

ENFORCEMENT PROCEEDINGS

52 Kuznetsov E.N. The Role of Information Technology

in Exercising of the Right to Enforcement of Court Rulings

in Modern Enforcement Proceedings

57 Galuzina K.A. The Balance of Interests of Parties

to Enforcement Proceedings in Laws and the Judicial

Practice

Recommended by the Supreme Attestation Commission under
the Ministry of Science and Higher Education of the Russian
Federation for publications of results of doctoral theses.

Digital Capacity**Fetisov Aleksandr K.**

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

PhD (Law)

The article examines the idea that a person with digital capacity is able to effectively realize the opportunities offered in the digital environment in the administration of justice by digital algorithms, in the near future — artificial intelligence. Of the full scope of the opportunities provided to the participants in the process of rights, the author dwells on the actions that the person is able to perform during the course of the case, depending on how the person realizes the right to enter into a legal relationship through the creation and use of a digital profile, as well as the potential participation of a representative involved in the process to ensure the assistance of the person involved in the process to implement the procedural rights in the forms of electronic services.

Keywords: electronic capacity, digital profile, effective participant in court proceedings.

On the Approximation of the Russian Civil and Arbitral Procedures**Romanov Andrey A.**

Teaching Assistant of the Department of Civil Law and Procedure of the Law School of the Far Eastern Federal University

Managing Partner of Verno Consulting Group

The article is devoted to topical issues of reforming the Russian civil procedure and the Russian state arbitration proceedings, identifying their common features, studying the Concept of the Unified Civil Procedure Code and determining the need for appropriate amendments to the domestic procedural legislation.

Keywords: law, the Russian state arbitration proceedings, civil procedure, Unified Civil Procedure Code, coming close together, amendments, reform.

Third Parties Filing No Independent Claims with Respect to the Dispute Subject in the Civil Procedure Law: On the Way Towards the Formation of a New Legal Structure**Guziy Dmitriy A.**

Postgraduate Student of the Department of Civil and Administrative Proceedings of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

In the article the statutory concept of non-party interveners is analyzed from a new perspective. The author stands out the idea that substantive nexus of such persons doesn't always occur with one of the parties only. It is drawn out and proved that it possibly occurs with both parties simultaneously, with the other non-party interveners. The author casts doubt on the prevailing abstract concept and proves that sometimes judgement may have an impact on rights and responsibilities of non-party interveners not nearly only in relation to one of the parties. The diversity of its potential substantive impact is drawn out. Distinguishing the issue in law with the disputed substantive legal matter the author concludes that non-party interveners may be subjects of the latter. Such aspect should be considered as constitutive feature of the relevant statutory concept.

Keywords: non-party interveners, non ultra petita, joinder, joint liabilities, suretyship, legal nexus, triable issue, issue in law, disputed substantive legal matter, judgement.

The Claim Subject and the Determination of the Type of Proceedings in Cases on Challenging of Non-Regulatory Acts, Decisions, Actions and Inactivity of Public Administration**Nechaev Aleksandr I.**

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

PhD (Law)

The article discusses the issue of the subject of an administrative claim in cases of challenging non-normative legal acts, decisions, actions and inaction of public entities in administrative proceedings, examines the concept of non-normative legal acts, decisions, actions, inaction, discusses the issue of requirements that cannot be the subject of consideration within the framework of this type of proceedings, a broad approach to understanding a non-normative legal act as an attribute of a substantive legal requirement for administrative claims is substantiated, and the rules for determining the type of legal proceedings depending on the subject of the claim are discussed.

Keywords: administrative claim, subject of an administrative claim, non-normative legal act, decision, action, inaction, public administration, type of legal proceedings.

Protection of a Defendant against a Class Action in Civil and Arbitral Procedures
Pakharukova Irina A.

Lawyer

The article analyzes the issues of the defendant's defense against a class action including the period before and after the procedural reform. The author explores the question of the possibility of filing a counterclaim in group proceedings, and also analyses the objection as the main means of defense of the responding party against the class-action suit. The present study proposes a categorization of objections according to the legal result to which they are directed, and depending on the conditions of group proceedings against which objections can be filed. It is concluded that the most promising type of objections are objections to the condition of similarity of the actual circumstances underlying the rights of the group members and the obligations of the respondent. Based on the procedural doctrine and judicial practice, the options for objections to certain disputes are studied, and also a possible strategy for defending the defendant in group proceedings is modelled on the example of a specific case.

Keywords: class action, defending class actions, counterclaim, objection.

Procedural and Legal Consequences of Non-Compliance with the Mandatory Complaint Procedure When Referring to a Commercial Court**Potapenko Evgeniy G.**Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Saratov State University
Associate Professor of the Department of Arbitral Procedure of the Saratov State Law Academy
PhD (Law)

The article attempts to explain the need for a differentiated approach to the application of procedural and legal consequences of non-observance of mandatory complaint procedure when applying to the Arbitration Court. As a criterion for determining a specific procedural and legal consequence, it is proposed to consider the attainability of the goal of complaint procedure taking into account the stage of case consideration and the procedural behavior of the parties. The author expresses his opinion on the need for a clearer regulation of the procedural consequences of non-observance of complaint procedure through special legal provisions and clarifications by the highest judicial body.

Keywords: arbitration process, complaint procedure, pre-trial procedure, specialization of law, differentiation of court procedure.

Some Problems of the Evaluation of Electronic Evidence in the Electronic Justice System
Emaltynov Andrey R.Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

The article covers some aspects of evaluation of e-evidences in arbitration and civil proceedings. These problems are particularly actual during application of restrictive measures against Covid-19. New technologies have caused transformation organizational and substantive aspects of evidences institution in legal proceedings. Author points specialties evaluation of relevance, admissibility, reliability of e-evidences, significance e-document and electronic image form, correlation between e-evidences and others forms of evidence in arbitration and civil proceedings.

Keywords: e-evidences, electronic documents, e-justice, evaluation of evidences, reliability of evidence.

Limits of Court Ruling Appeal Proceedings in the Civil Procedure**Ivanov Evgeniy I.**

Lawyer

The article, based on the study of pre-revolutionary, Soviet and modern Russian legislation, examines the limits of appeal, cassation and supervisory appeal in civil, arbitration and judicial administrative proceedings: the limits of the conditions of appeal, including the limits of the subject and object of the appeal, the limits of the grounds for appeal, formed by the limits of the appeal of legality and validity, the limits of consideration of the object of the appeal, consisting of the limits of consideration of the object of appeal in terms of volume and content, as well as the limits of the procedural actions of the court and other participants in the process. The law-making and law-implementing significance of the limits of proceedings on appeal against court acts is highlighted. It is pointed out that the study of civil, arbitration and judicial administrative processes through the prism of these limits will make it possible to better comprehend legal proceedings in civil and administrative cases.

Keywords: appealing judicial acts, verification and revision of judicial acts, appellation, cassation, supervision, limits.

Elements of the Citizen's Good Faith and Responsibility in an Insolvency (Bankruptcy) Case and the Creditor's Procedural Risk**Shestalo Sergey S.**

Assistant Judge of the Judicial Collegium for Review of Cases Arising out of Administrative and Other Public Relations of the Commercial Court of the Samara Region

Class 3 Counsellor of Justice

The article examines the issue of the good faith of individuals when considering an insolvency (bankruptcy) case, analyzes and evaluates the actions of a citizen who has not indicated in the application all bankruptcy creditors who have claims against him, and also highlights the issue of procedural risk of the creditor himself; the corresponding legal consequences of such inaction are considered, and the possibility of releasing the debtor from further fulfillment of obligations, taking into account current examples of judicial practice and the positions of the Supreme Court of the Russian Federation, is characterized.

Keywords: bankruptcy, citizen, individual, good faith, bankruptcy creditors, liability, property.

On Procedural Protection of an Independent Creditor in Bankruptcy of an Affiliated Debtor**Ershov Oleg G.**

Associate Professor of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE)

PhD (Law)

In the article, the author raises the problem of insufficient procedural protection of an independent creditor in case of bankruptcy of an affiliated debtor. Revealing the imperfection of the norms of bankruptcy legislation on the basis of the legal positions formed by the courts, the author comes to the conclusion that it is necessary to reform the legal norms, strengthen the role of the court in considering the claims of creditors, study the affiliation of relations between creditors and the debtor and their impact on the possibilities of procedural protection of independent creditors.

Keywords: bankruptcy, affiliation, creditor protection.

The Role of Information Technology in Exercising of the Right to Enforcement of Court Rulings in Modern Enforcement Proceedings**Kuznetsov Evgeniy N.**

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

Visiting Professor of the Paris Nanterre University (France)

PhD (Law)

The article deals with the impact of information technology on the implementation of the right to the execution of judgments. The influence of the practice of the European Court of Human Rights on the implementation of this right is revealed. The features of the exercise of the right to performance in modern conditions of existing restrictions in connection with the spread of the new coronavirus infection (COVID-19) are analyzed. The ways of using information technologies in enforcement proceedings are proposed, which can affect the increase in the effectiveness of the implementation of the right to the execution of judgments.

Keywords: enforcement proceedings, COVID-19, enforcement, the European Court of Human Rights, enforcement effectiveness.

The Balance of Interests of Parties to Enforcement Proceedings in Laws and the Judicial Practice**Galuzina Ksenia A.**

Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure of the Voronezh State University

In this publication, the author focuses on the fact that the task of enforcement proceedings is the correct and timely execution of judicial acts, and not the punishment of the debtor. In this regard, the need to balance the interests of the parties of the enforcement proceedings in legislature and in judicial practice is justified.

Keywords: enforcement proceedings, collector, debtor, balance of interests of the parties.